

ХЕЛЬСИНКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ренарративные МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Маркеры чужой речи с модальным компонентом
в современном русском языке

Anastasia Loginova
Pro gradu-tutkielma
Venäjän kieli ja kirjallisuus
Nykykielten osasto
Helsingin yliopisto
Toukokuu 2018

Tiedekunta/Osasto – Fakultet/Sektion – Faculty Humanistinen tiedekunta		Laitos – Institution – Department Nykykielten osasto	
Tekijä – Författare – Autho Anastasia Loginova			
Työn nimi – Arbetets titel – Title Renarrativnye modal'nye slova: markery čužoj reči s modal'nym komponentom v sovremennom russkom jazyke.			
Oppiaine – Läroämne – Subject Venäjän kieli ja kirjallisuus			
Työn laji – Arbetets art – Level Pro gradu -tutkielma		Aika – Datum – Month and year Kevät 2018	Sivumäärä– Sidoantal – Number of pages 72
Tiivistelmä – Referat – Abstract Tutkimuksen kohteena ovat venäjän kielen renarratiiviset sanat ja niihin liittyvät modaaliset merkitykset nykyvenäjän puhekielessä. Renarratiivisilla sanoilla eli renarratiiveilla viitataan työssä sanoihin, joilla puhuja osoittaa, että hän referoi tai siteeraa muiden henkilöiden puhetta (tai hänen omaa aikaisempaa puhettaan). Luvussa 2 tarkastelen modaalisuuden käsitettä ja renarratiivien asemaa eri tutkijoiden esittämissä modaalisten sanojen ja niiden funktioiden luokitteluissa. Luku 3 käsittelee "vieraan puheen" (чужая речь) käsitettä venäläisessä tutkimustraditiossa, suoran ja epäsuoran kerronnan leksikaalisia, kieliopillisia, prosodisia ja ekstralingvistisiä keinoja, niiden keskinäisyyksiä ja sekoittumista. Luvun lopussa käydään läpi renarratiivien tutkimuksessa käytettäviä termejä ja niihin liittyviä tulkintoja ja rajoituksia. Luvun 4 tavoitteena on selvittää, millaisia renarratiiveja käytetään yleisimmin puhutussa nykyvenäjässä ja miten ne eroavat toisistaan. Tutkimusaineistona toimii Venäjän kansalliskorpukseen kuuluva puhutun kielen alakorpus. Aineiston avulla pyrin selvittämään, mitkä renarratiiveista sisältävät modaalisia merkityksiä, mitä niistä käytetään useimmin ja missä määrin niiden käyttö on sidoksissa kontekstiin. Tarkasteleman renarratiivit ovat <i>мол, дескать, де, грит; якобы, как бы; вот, типа и такой</i> . Tutkimusmenetelmänä on aineistossa esiintyvien käyttöjen kontekstuaalis-semanttinen kvalitatiivinen analyysi. Erityistä huomiota kiinnitän modaalisen komponentin sisältäviin renarratiiveihin, joilla puhuja ilmaisee suhtautumistaan toisen henkilön puheen sisältöön. Luvun 4 lopussa tarkastelen eri renarratiivien yhtäaikaista esiintymistä puhujan lausumissa. Tutkielman tulokset osoittavat, että renarratiiveja <i>мол, де, дескать, грит, якобы, как бы, вот, типа и такой</i> käytetään paitsi epäsuorassa kerronnassa myös suorassa kerronnassa sekä kerrontatyyppien erilaisissa sekamuodoissa. Renarratiiviset <i>якобы, дескать</i> ja <i>мол</i> sisältävät useimmiten itsessään modaalisen merkityksen, kun taas renarratiivien <i>грит, типа</i> ja <i>как бы</i> kohdalla modaalikomponentin ilmentyminen edellyttää kontekstin, prosodisten keinojen, mimiikan ja eleiden tarjoamaa tukea, toisin sanoen niiden modaalinen merkitys on konkreettisesti käyttöyhteydestä kumpuava tulkinta. Tutkimus osoittaa myös, että tietyissä olosuhteissa renarratiivit voivat ilmaista lainatun puheen sisältöön kohdistuvaa epävarmuutta, sen todenperäisyyden tai muodon kyseenalaistamista sekä vaikutelman tai arvion siteerattavan henkilön eleistä, ilmeistä ja muista ei-verbaalisen käyttäytymisen muodoista.			
Avainsanat – Nyckelord – Keywords venäjän kieli, suora kerronta, epäsuora kerronta, siteeraus, referointi, renarratiivi, renarratiiviset sanat, modaalisuus, modaaliset sanat			
Säilytyspaikka – Förvaringställe – Where deposited Humanistisen tiedekunnan kirjasto – Helda / E-thesis (opinnäytteet)			
Muita tietoja – Övriga uppgifter – Additional information Työn nimi suomeksi: Modaalisen merkityksen sisältävät renarratiiviset sanat venäjän nykykielessä.			

Оглавление

1. ВВЕДЕНИЕ	5
2. МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	6
2.1 Определение понятия «модальность»	6
2.2 О модальных словах	9
2.3 Функции модальных слов	11
3. ЧУЖАЯ РЕЧЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	13
3.1 Способы передачи чужой речи	15
3.2 О терминологии маркеров чужой речи	19
4. АНАЛИЗ СРЕДСТВ МАРКИРОВАНИЯ РЕНАРРАТИВА	22
4.1 Метод работы	22
4.1.1 Устный корпус НКРЯ	23
4.2 <i>Мол, дескать, де, grit</i>	23
4.2.1 <i>Мол</i>	26
4.2.2 <i>Дескать</i>	28
4.2.3 <i>Де</i>	30
4.2.4 <i>Grit</i>	31
4.3 <i>Якобы, как бы</i>	37
4.3.1 <i>Якобы</i>	38
4.3.2 <i>Как бы</i>	40
4.4 <i>Вот, типа, такой</i>	43
4.4.1 <i>Вот</i>	43
4.4.2 <i>Такой, такая, такие</i>	45
4.4.3 <i>Типа</i>	49
4.5 Комбинации маркеров ренарратива	56
4.6 Выводы	61
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
Список использованной литературы	69
Исследовательская литература	69
Словари и корпуса	71

Список таблиц/рисунков

Рис. 2. Схема комбинаций маркеров.	59
Табл.1. Синтаксические особенности употребления маркеров ренарратива	62
Табл. 2. Функциональное взаимодействие МР	63
Рис.3. Частотность модального и немодального употребления ренарративных маркеров	64
Рис. 4. Частотность <i>дескать</i> , <i>мол</i> и <i>де</i>	66

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, любой язык отражает развитие общества. Люди выражают свое отношение друг к другу и к окружающему с помощью языка (доказывают, оценивают, высказывают свою точку зрения), что безусловно придает значимость изучению модальных отношений в языке. Любой человек, используя модальные компоненты различной семантики, раскрывает с их помощью свое личное отношение к описываемым ситуациям, событиям, людям, а также к собственным мнениям и предположениям. Модальные слова, которые являются средством выражения модальных отношений, особым образом функционируют при пересказе чужой речи, так как именно при передаче чужого высказывания происходят изменения субъективно-модального плана. В случае пересказа, чужая речь передается от лица пересказывающего и чаще всего наделяется дополнительным субъективно-модальным значением. Маркеры ренарратива, которые вводят в повествование чужую речь и часто обладают модальным значением, регулярно используются в современном русском языке, однако обычно исследуются на материале письменных текстов. Актуальность данной работы подчеркивается необходимостью исследования ренарративных модальных слов, опираясь на результаты анализа данных устного корпуса НКРЯ, то есть описания подобных единиц на основании устных материалов современного русского разговорного языка по записям, сделанным не раньше 1990 года.

В данной работе ставится цель рассмотреть ренарративные слова современной устной речи в общем, а также выделить путем корпусного исследования, какие маркеры ренарратива несут в себе модальное отношение, какие из них используются чаще всего и в каком контексте. Так как в данной работе мы попытаемся выделить модальные значения маркеров ренарратива, в главе 2 будут даны определения языковой модальности и обозначены основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. Стоит отметить, что категория модальности на протяжении длительного времени привлекает внимание многих лингвистов и исследователей русского и других языков. Однако понятие языковой модальности истолковывается неоднозначно и несет в себе некую проблематичность определения. В нашу задачу не входит изучение этих толкований термина модальности специализированного характера (логического, философского, психологического и социального). В той же главе мы рассмотрим проблему выделения модальных слов и классификации модальных слов и частиц, в частности их функциональные особенности. В третьей главе мы рассмотрим феномен чужой речи в русском языке и её возможные способы передачи. Также мы обсудим проблему терминологии, касающейся маркеров чужой речи,

и опишем их характеристики в языковой системе. Четвертая глава посвящена анализу средств маркирования ренарратива, в частности выделенным трем типам ренарратива, которые будут рассматриваться в этой работе. В этой же главе будет проведен контекстно-семантический анализ подобных единиц, которые могут иметь модальный компонент, а именно выражать отношение говорящего к пересказываемой речи. К рассматриваемым единицам мы относим: *мол, дескать, де, grit; якобы, как бы; вот, типа, такой*. Используя подкорпус устной речи Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), мы приведем найденные примеры употребления, а также выделим возможные сочетания данных единиц и опишем особенности их функционирования в устной речи, в большей степени рассматривая их с точки зрения возможного содержания модального компонента. В Заключение будут подведены итоги исследования и сформулированы выводы по рассматриваемой теме.

2. МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Определение понятия «модальность»

При анализе исследуемой литературы можно встретить разные определения категории модальности, что обусловлено различиями трактовки этого вопроса представителями разных лингвистических школ. Однако в любое определение данного понятия входит так называемый оценочный семантический элемент. Общепринятое толкование модальности принадлежит В. В. Виноградову (1975: 55), который определял модальность как устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности. Именно он один из первых подробно описал это понятие и обозначил формы выражения модальности в российской лингвистической науке. В. В. Виноградов (там же: 57), причисляя категорию модальности «к числу основных, центральных языковых категорий», подчеркивает, что модальность тесно связана с предложением и разнообразием его типов: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» (там же: 55). Интересно, что категория предикативности, описываемая В. В. Виноградовым в «Грамматике русского языка» (ГРЯ 1960: 79–80), имеет практически такое же определение: «Значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности». Однако одно, довольно расплывчатое на наш взгляд, различие всё-таки упоминается: «Если категория

предикативности выражает общую соотнесённость содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности – есть прежде всего модальное отношение.» (там же: 80.)

Внимательное ознакомление с работами В. В. Виноградова (1972, 1975; ГРЯ 1960) приводит к выводу о том, что категорией модальности следует обозначать «различия между разными модальными типами предложения» (ГРЯ 1960: 80), а выражается модальность формами глагольных наклонений, модальными частицами и словами, о чем пойдет речь в следующих главах. Стоит отметить, что «без интонационной организации нет предложения как формы речевого общения» (Петров 1982: 6–7). С помощью интонации достигается законченный характер сообщаемого отрезка мыслительного процесса, что, несомненно, определяет отношение говорящего к сообщаемой действительности (там же: 7).

Функциональную разницу между модальностью и предикативностью попытался выявить Н. Е. Петров. Он (Петров 1982: 7) отмечает, что «из основных постоянных признаков предложения на долю первой категории приходятся интонация сообщения, определяющая законченность мысли, и иные модальные отношения говорящего, а вторая главным образом обеспечивает грамматическую организацию единицы речевого общения, необходимую для отражения взятого кусочка реальной действительности». Другими словами, по мнению Н. Е. Петрова (там же: 8), предикативность стоит рассматривать как «логико-синтаксическую категорию на уровне языка», а модальность – как «коммуникативно-синтаксическую категорию на уровне речи».

Термин *модальность* в лингвистике обособился от аналогичного термина в логике, философии, психологии и социологии, хотя и объединяет в себе несколько значений. В. В. Виноградов (1975: 65–70) описывает значения модальных отношений, уделяя большое внимание средствам выражения модальности в русском языке, к которым он также относит морфологические формы глагола (наклонение, время), вводные слова и словосочетания и другую модальную лексику.

При рассмотрении модальности в языке в лингвистике, можно заметить, что существует две главные тенденции. Первая направлена на увеличение числа модальных значений (включая в зону модальности эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к содержанию высказывания, а также оценочное значение), а вторая – на сужение их круга, выделяя три вида модальных отношений: отношение к действительности (реальность/нереальность), к содержанию высказывания (уверенность/неуверенность) и отношение между субъектом-носителем признака и предикативным признаком (возможность/необходимость/желательность) (Золотова 1973: 142).

Л. А. Бирюлин и Е. Е. Корди (ТФГ 1990: 67–68), проанализировав ряд лингвистических работ, составили перечень тех языковых явлений, которые относятся к модальности и выделили шесть типов значений, имеющих грамматические, лексические и интонационные средства выражения.

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности (гипотетичности и т.п.), выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола, а также некоторых союзов, частиц и других элементов структуры предложения.
2. Оценка ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости и желательности, которая выражается модальными глаголами и другими модальными словами.
3. Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого. Выражается модальными наречиями, вводными словами.
4. Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные (выражающие сообщение), вопросительные (выражающие вопрос), побудительные (выражающие побуждение) и оптативные (выражающие желание). Средства выражения целевой установки: морфологические (наклонение глагола), синтаксические (конструкция предложения) и просодические (интонация).
5. Значения утверждения/отрицания, отражающие наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками и событиями.
6. Эмоциональная и качественная оценка высказывания, выражаемая лексически, просодически, а также с помощью междометий, которая может быть представлена конструкциями с вводными словами и оборотами.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990 s.v. Модальность) указано, что модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Это определение дает основания предполагать, что полное описание категории модальности стоит рассматривать на основании ее коммуникативного аспекта, то есть учитывая условия употребления различных форм выражения модальности в конкретных актах общения.

В. А. Плунгян (2011: 317) отмечает, что модальность следует считать «двуполусной зоной», выделяя два типа модальных значений: оценочная модальность (отношение говорящего к ситуации) и ирреальная модальность (статус ситуации по отношению к реальному миру). По его мнению, полемика вокруг понятия модальности «во многом возникала именно из-за того, что разные лингвистические теории считали главным то оценочный, то ирреальный компонент в составе модальности».

Нам очень близка точка зрения А. В. Чибук (2004: 39) о том, что «категория модальности представляет собой объединение функционально-семантических

полей, где поле – совокупность взаимодействующих разноуровневых языковых элементов, объединенных общностью семантической функции». Если рассматривать категорию модальности с этой стороны, то можно говорить о широком средстве реализации модальности, в том числе о вербальных и невербальных (напр. интонация) способах. Таким образом, к вербальным средствам выражения модальных значений следует относить единицы всех языковых уровней. Если говорить о лексических средствах выражения модальных значений, то наравне с традиционно относимым к этой категории классам местоимений, наречий, глаголов следует рассматривать и частицы, междометия, союзы, фразеологические единства, а также широкий слой лексем с ослабленными (или даже полностью утраченными) первичными номинативными функциями, которые могут внести в предложение индивидуальные характеристики отношения говорящего к высказыванию.

Подводя итоги данной главы, следует сказать, что столь большое количество разных подходов к изучению категории модальности еще раз доказывает всю сложность и многоплановость данной темы. Некоторые авторы отстаивают более узкое понимание модальности, ограничивая ее понимание лишь несколькими значениями из приведенного выше перечня. При этом обычно устанавливается иерархия значений: одно из них рассматривается как основное (ТФГ 1990: 68–69.) Другие же, придерживаясь теории модальности В. В. Виноградова (1975), причисляют оценочно-характеризующие и собственно оценочные (согласие/несогласие, принятие/непринятие, разные виды волеизъявления) значения к виду модальных отношений.

2.2 О модальных словах

Как известно, модальные слова долго не выделялись учеными в самостоятельную категорию и «не признавались как отдельный лексико-грамматический разряд» (Петров 1982: 47). Стоит заметить, что изучение особых модальных лексем, которые наиболее полно выражают модальность, имеет достаточно длительную историю как в русской, так и в зарубежной лингвистической науке. Анализируя труды дореволюционных исследователей, Н. Е. Петров (там же) пишет, что модальные слова частично рассматривались и в составе наречий, и в составе союзов.

А.А. Шахматов (2001: 414–418, 505–506) выделяет особую категорию лексических единиц, названных им «обстоятельство сопутствующее», которое выражается наречием. К категории наречия автор причисляет такие слова, как

небось, мол, знать и т.п., хотя некоторые из этих же слов упоминаются и в главе, касающейся союзов.

В. В. Виноградов (1975: 76–77), опираясь на мнение И. И. Мещанинова, пишет о том, что «есть все основания выделять модальные слова в обособленную языковую группу» и отмечает следующие черты в строе и составе модальных слов:

1. Тесная связь многих модальных слов с наречиями. Многие наречия совмещают синтаксические функции наречия и модального слова.
2. Наличие, наряду с модальными словами, большого количества модальных частиц, граница между которыми оказывается подвижной.
3. Однородность функций модальных слов и частиц с функциями глагольного наклонения. Относясь ко всему предложению и выражая возможность, нереальность, достоверность и т.п., модальные слова и частицы оттеняют значения глагольного наклонения и определяют модальность высказывания в целом.
4. Широкое распространение модальных значений и оттенков в кругу других типов частиц, исключая предлоги.
5. Функциональная близость модальных слов и частиц к вводным предложениям.

Как упоминалось ранее, существует множество разных мнений, связанных с проблемами дефиниции модальных средств выражений, а также о том, какие части речи можно отнести к этой категории.

Согласно О. С. Ахмановой (2004: s.v. Модальный), модальное слово определяется как «утратившее свое конкретное лексическое значение и функционирующее как средство описательного выражения модальности». В качестве примера приводится предложение «он *может* еще прийти».

Согласно Н. Е. Петрову (1982: 50), модальными словами принято называть «неизменяемые служебные слова, соотносительные по своему происхождению с именами, глаголами и наречиями и выражающие отношение говорящего к высказываемому».

Т. В. Жеребило (2010: s.v. Модальные слова) дает более узкое определение модального слова: это «неизменяемая часть речи, выражающая отношения уверенности или неуверенности говорящего к высказанному сообщению в его соответствии действительности и передающая это значение слов со значением уверенности или предположения».

Однако, по нашему мнению, более удачное определение понятия модального слова мы встречаем в трудах В. В. Виноградова (1972, 1975), который посвятил множество работ изучению средств выражений модальных отношений в языке и речи, в частности – модальным словам и словосочетаниям. У этого ав-

тора мы находим: «модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» (Виноградов 1972: 567). Автор также указывает, что модальные слова находятся будто «вне предложения, лишь при-мыкая к нему» (там же: 567).

Предмет нашего исследования – модальные ренарративные слова не получил до сих пор четкого как единого определения, так и точного термина, что, безусловно, говорит о сложности данного явления, так как подобные языковые единицы могут нести в себе функций и свойств, которые с трудом могут быть описаны в рамках единого подхода. Возможно именно поэтому существует большое количество названий для обозначения модальных частиц, которые маркируют чужую речь. Рассмотрим подробнее вопрос о терминологии модального ренарративного слова в разделе 3.2 и попробуем определить его функции, опираясь на умозаключения разных исследователей о функциях модальных слов в общем.

2.3 Функции модальных слов

Модальные слова развились в богатую отдельную служебную часть речи вследствие развития языка, особенно в его устной форме.

В. Гладров (2009: 239 – 247) приходит к выводу о том, что модальные слова сигнализируют степень достоверности сообщаемого, относя их к классу «эпистемических» (т.е. несущих в себе знание) единиц. В качестве примера приведены такие слова, как *пожалуй, вероятно*, которые передают значение предположения и неуверенности говорящего, а слова как *несомненно, бесспорно*, которые несут в себе элемент уверенности в истинности утверждения. Тем самым В. Гладров (2009: там же) делит эпистемические модальные слова, называя их «прототипическими представителями», на презумптивные (предполагаемое) и персуазивные (убедительные), а также предлагает иерархизированное распределение модальных слов, которое учитывает центральные и периферийные элементы, свойственные полевой структуре любой части речи. В. Гладров (там же) выделяет в отдельный подкласс ренарративные модальные слова: *мол, дескать, якобы* (которые передают чужое мнение); *на мой взгляд, по-моему* (которые передают позицию говорящего) и *говорят, как говорится, как слышно* (которые передают генерализирующую позицию). Автор (там же: 245) также указывает, что «модальные слова, передающие чужое мнение и генерализирующую позицию, одновременно выражают определенную дистанцию говорящего по отношению к сообщению».

В. В. Виноградов (1972: 576–581), определяя происхождение и связь модальных слов с другими словами, рассматривает также их функциональные особенности. Среди выделенных В. В. Виноградовым (там же: 577–581) двенадцати основных разрядов, куда входят слова, выражающие эмоциональное освещение действительности (*чего доброго, авось, небось, пожалуй*), логическую оценку сообщения (*вероятно, несомненно, видимо*), отношение содержания речи к общей последовательности мыслей (*кстати, кроме того, например*), рассудочную оценку сообщения (*несомненно, безусловно, разумеется, действительно*), нас интересуют только те, которые несут в себе функцию ренарратива. У В. В. Виноградова мы находим модальные слова и частицы, обозначающие «чужой стиль» выражения, субъективную передачу чужой мысли и речи: *мол, дескать, говорят, будто, будто бы* и т.п. (там же: 577).

Важно отметить, что В. В. Виноградов (там же: 577) выделяет отдельный разряд модальных слов, которые несут в себе оценку способа выражения (*так сказать, словом, то есть*). При употреблении этих слов говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли, поэтому он использует оговорки, стилистические оценки и замечки.

Можно считать, что указанные выше В. В. Виноградовым описания модальных слов используются в качестве исходных данных для выделения дискурсивных слов. Так, в монографии «Дискурсивные слова русского языка», написанной под руководством К. Л. Киселевой и Д. Пайар (1998: 8), мы находим те же положения для описания модальных слов и частиц, но выделенные в особую группу языковых единиц под названием *дискурсивные слова*. К. Л. Киселева и Д. Пайар (там же: 8–9) оправдывают введение данного термина инструментарием описания класса единиц, а именно анализом дискурса. Они (там же 1998: 8) выделяют признаки дискурсивных слов, которые по существу соответствуют характерным признакам модальных частиц, а также отмечают, что они обеспечивают связность текста, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом.

Определяя функцию модального ренарративного слова, нам представляется возможным выделить следующую особенность. Говорящий, используя модальное ренарративное слово, не только указывает на соотнесенность оригинального текста другому лицу, но и выражает своё согласие / несогласие по этому поводу,

недоверчивое отношение к чужим словам, т.е. сомнение в правдивости пересказываемой информации, а также освобождается от ответственности за смысл чужой речи.

3. ЧУЖАЯ РЕЧЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для нашей работы наиболее значимы те единицы языка, которые вводят в повествование модальный компонент, а именно модальное отношение говорящего к высказываемому, являясь при этом средством выражения чужой речи. Поэтому стоит уделить особое внимание феномену чужой речи. В данной главе мы кратко рассмотрим основные подходы к изучению чужой речи разными лингвистами на протяжении последних лет, выявим способы передачи чужой речи и остановимся на вопросе о терминологии маркеров ренарратива.

Чужая речь является важным компонентом в структуре устной речи любого человека. Передача чужих слов может встречаться и в повседневной, и в деловой речи, занимая особое место в повествовании говорящего. Как отмечает И. С. Попова (2016: 78), «чужие слова приносят с собой экспрессию, оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентируется говорящим».

Рассматривая взаимодействие «своей» и «чужой» речи, Н. Д. Арутюнова (1999: 668–669) указывает, что их переплетение «стимулирует такие процессы, как образование экспрессивных и оценочных коннотаций, монтаж синтаксических структур, базой которого служит явление цитации, развитие дифференцированной системы диалогических модальностей, порождаемых отношением к чужому слову, преобразование объективной информации (или запроса об информации) в модальную».

Г. М. Чумаков (2010: 170) определяет чужую речь как языковое, общелингвистическое значение, которое образует вместе с другими типами и модификациями речи, выделяемыми на основании соответственных оппозиционных отношений, единую систему средств языка для передачи говорящим информации, внутренних мыслей, волеизъявлений, состояний, чувств, звуков, шумов и т.п. Автор (там же) также пишет о том, что «чужая речь – это всегда речь в речи», где инородность выражается с помощью лексических, графических, интонационных показателей, образуя при этом единство двух линий сообщения: «своего» и «чужого», т.е. линии «автора» (субъекта) и линии «не-автора» (объекта).

Такое же утверждение мы находим и у В. Н. Волошинова¹ (1993: 129), где говорится о невозможном отрыве чужой речи от передающего контекста. Он (там же) предлагает рассматривать данный предмет исследования как «динамическое взаимоотношение этих двух величин – передаваемой («чужой») и передающей («авторской») речи.

К значимым современным исследованиям чужой речи можно отнести работы Н. В. Максимовой (2005, 2006), где определяются концептуальные основания функционирования чужой речи, ее коммуникативная природа, принципы организации системы чужой речи и модели коммуникативных стратегий. Н. В. Максимова (2006: 52) выделяет три принципиально различных типа моделей чужой речи: текстовый, языковой и речевой, и пишет об их взаимоотношениях, которые составляют целостность лингвистической интерпретации феномена чужой речи.

Так как в данной работе нас интересуют высказывания чужой речи в устном проявлении, рассмотрим речевую модель чужой речи, разработанной Максимовой (2006). Рассматривая данную модель на примере с прямой речью, где используется *говорит* как маркер ренарратива внутри пересказываемой речи, Н. В. Максимова (там же: 56) отмечает, что «ведущей характеристикой выделенной речевой модели чужой речи является:

- функционирование в ней *говорит*, специфическими признаками которого являются невозможность или неадекватность трансформации *говорит* в *сказал* и другие синонимичные слова;
- ядерность форм *говорю* и *говорит* (в отличие от *говорит* и *говорят*, выделенных в «Русской грамматике» и соотнесенность их лица с вводящим прямую речь глаголом);
- настоящее время, в отличие от возможного прошедшего во вводящем глаголе, и отсутствие модально-временной парадигмы; интер- и постпозиции (последняя — реже) в конструкциях с прямой речью;
- функция актуализации рематического компонента в интерпозиции;
- отсутствие сочетаемости слева («я») — абсолютное, справа («кому», «о чем», др.) — за отдельными исключениями;
- в устной речи фонетическое стяжение: *грю*, *грит* — вместо *говорю*, *говорит*;
- а также специфический интонационный рисунок.

---

¹ Волошинов В.Н. (М. М. Бахтин). Серия книг «Бахтин под маской», 1993. Вопрос об авторстве публикаций вызывает споры. Есть основания считать, что некоторые из них написаны при участии М. М. Бахтина, но точно разграничить авторство, по-видимому, невозможно. В России и за рубежом разными публикаторами эти труды издаются то под именем Волошинова, то под именем Бахтина.

Важно указать, что Н. В. Максимова (2005) рассматривает чужую речь не как вводный (чужой) компонент, а как особую структуру, главным принципом которой является взаимопроницаемость своего и чужого.

А. Н. Баранов (1994: 114) предпринимает попытку выявить концептуальные оппозиции «своего» и «чужого», которые существенны при пересказе чужих слов, останавливаясь на анализе *мол* и *дескать*. Он так же, как и В. Н. Волошилов (1993), отмечает, что «всякое цитирование есть ни что иное, как одновременное понимание реальности другого в реальности себя».

И. Н. Борисова (2009: 233) выделяет особый тип речевой партии под названием *репродуктив* (или *интертекстуальный нарратив*), который характерен для диалогической речи и несет в себе установку на воспроизведение первичного текста или чужой речи. Как отмечает И. Н. Борисова (там же: 235) в разговорной речи указание на принадлежность текста «другому» более семантически значимо, чем указание на устную или письменную форму воспроизводимой речи. Об этом свидетельствует «контекстуальная нейтрализация семантики глагола *говорить*», когда тот используется как показатель чужого авторства текста или речи. Следует подчеркнуть, что И. Н. Борисова (там же) говорит о диалогическом репродуктиве, как об особой структуре чужой речи, так как «степень его компрессии варьируется в значительных пределах: от почти дословного воспроизведения чужой речи с имитацией интонации и невербального поведения её автора до крайне сжатой передачи смысла чужих слов».

Подводя итоги данной главы, можно заметить, что передача чужой речи интересует многих лингвистов и рассматривается как особая языковая категория. Несмотря на это, до сих пор нельзя говорить об общепринятом подходе к изучению данной языковой номинации. В ходе данной работы были найдены исследования, в которых анализирование чужой речи происходит в контексте различных проблем: интертекстуальности (Кудрявцева 2011), эвиденциальности (Плунгян 2008, Aikhenvald 2004), референции (Шмелев 2002, Долинин 2010). Однако в нашу задачу входит общее ознакомление с исследованиями по теме «чужая речь», а также рассмотрение способов её передачи в устной речи.

3.1 Способы передачи чужой речи

Под способами передачи чужой речи, основываясь на утверждении Г. М. Чумкова (2010: 171), мы понимаем исторически сложившийся метод внедрения чужой речи в чье-либо высказывание, отражающий степень ее информационной точности и смысловой полноты, с одной стороны, и морфолого-синтаксическую структуру, целевую установку, стиль, эмоционально-экспрессивную окраску, с

другой. Именно эти признаки положены в основу классификации типов чужой речи. Из этого следует, что средства передачи чужой речи разделяются по трем признакам: структурному (лексико-грамматические и интонационные особенности передаваемой речи), актуальному (ситуативное содержание частей высказывания) и модальному (эмоциональное и экспрессивное отношение к действительности говорящего).

В русском языке выделяются три способа передачи чужой речи: прямая, косвенная и смешение прямого и косвенного способов, или несобственно-прямая речь. Так, у Н. С. Валгиной (2003: 381) мы находим, что прямая речь – это чужая речь, воспроизведенная дословно, с сохранением формы, когда как косвенная речь сохраняет только содержание. Главное различие прямой и косвенной речи заключается в способе включения той и другой в речь авторского (там же).

По отношению к авторской речи прямая речь может располагаться в препозиции, в постпозиции и в интерпозиции, выражая: а) высказывания другого лица, б) слова самого автора, в) невысказанную мысль²:

- а. Он сказал/ «Мне кажется/ что люди/ окончившие РГГУ/ Институт лингвистики/ могут работать везде – от таможни до директора рынка». [Григорий Крейдлин. Язык тела. Лекции Полит.ру (2011)]
- б. К Григорию Петровичу это имеет отношение / я спросила? [Выступление свидетеля Морозкиной в суде по делу Г.П. Грабового // Интернет, 2008]
- в. Я подумала / "Ой / какая прелесть! Наверное / я его теперь часто буду во дворе видеть!" [Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Косвенная речь располагается после авторских слов, оформленных в виде главной части сложноподчиненного предложения. Важным замечанием является то, что при оформлении чужой речи в виде косвенной происходят грамматические изменения и некоторые лексические изменения. При оформлении чужой речи личные и притяжательные местоимения, как и формы личных глаголов употребляются с точки зрения автора, а не лица говорящего. Как указывает Н. С. Валгина (2003: 384), эмоциональные лексические элементы, имеющиеся в чужой

---

² Здесь и далее найденные примеры приведены в том формате, в каком они представлены в устном подкорпусе Национального корпуса Русского языка, сохраняя метаразметку устного текста: знаки пунктуации внутри предложения заменяются слэшами. При этом следует помнить, что слэши не имеют никакой смысловой нагрузки (т.е. не обязательно соответствуют, например, паузам), а расставлены только для удобства чтения (Гришина 2005: 96).

речи, в косвенной речи опускаются, и значения, выражаемые ими, передаются иными лексическими средствами, причем не всегда точно, а приблизительно.

По нашему мнению, следует уточнить, каким именно образом происходит процесс передачи чужих слов, какие эмоциональные лексические элементы «пропадают» и что появляется на их месте.

В. Н. Волошинов (1993: 141) пишет о двух направлениях при анализе косвенной конструкции и, соответственно, о двух основных модификациях косвенной речи. Так, чужое высказывание может восприниматься как определенная смысловая позиция говорящего, и в этом случае передается предметный состав (что сказал говорящий). Но можно воспринять и аналитически передать чужое высказывание как выражение, характеризующее не только предмет речи, но и самого говорящего: его речевую манеру, его душевное состояние, которая выражено в форме речи (например: прерывистость, расстановка слов, экспрессивная интонация и пр.). Для словесно-формальной конструкции присуща передача тематической модификации, т.е. говорящий передает экспрессивно-окрашенную чужую речь при помощи слов с эмоциональным компонентом либо вводит их в авторских контекст как характеристику от автора. Предметно-аналитическая модификация открывает широкие возможности для пересказа чужой речи, сохраняя в то же время отчетливую и строгую дистанцию между авторским и чужим словом, а также «смысловую упругость и самостоятельность» (там же: 141).

Анализируя способы передачи чужой речи, Г. М. Чумаков (2010: 171), разделяет конструкции с чужой речью на два обязательных компонента: репрезентируемый (метод и функции репрезентации речи) и репрезентирующий (слова, её вводящие, представляющие) компоненты. Репрезентирующий компонент (или «ввод») чужой речи несет в себе формальные признаки, т.е. план выражения: лексические, графические, интонационные показатели инородности. Автор также отмечает семантико-стилистические функции «ввода»:

«С данной точки зрения вводы, создавая фон, который оттеняет естественность, правдивость той или иной реплики, как и чужого сообщения в целом, могут указывать на: а) жест, как вспомогательное средство, нередко используемое говорящим для подчеркивания тех или иных моментов в своем высказывании; б) мимику; в) акустико-слуховую сторону речи, интонацию; г) чувство, настроение, вообще психологическое состояние носителя речи; д) отношение к собеседнику, отношение автора к говорящему; е) место, время, обстановку речи и на многие другие моменты». (Чумаков 2010: 174).

Что касается несобственно-прямой речи, то этот способ содержит в себе особенности как прямой речи, так и отчасти косвенной. Специфика ее заключается в

том, что она сохраняет особенности речи говорящего – лексико-фразеологические, эмоционально-оценочные, как прямая речь, но в то же время в ней выдерживаются правила косвенной речи (замена личных местоимений и личных форм глагола). В отличие от косвенной, несобственно-прямая речь не оформляется как придаточная часть и, в отличие от прямой речи, не вводится специальными вводными словами (Валгина 2003: 385). Как отмечают С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов (1977: 173), в случае несобственно-прямой речи автор «как бы перевоплощается в своих героев и, рассказывая об их мыслях, передавая их речь, прибегает к тем грамматическим и лексическим средствам, к которым прибегали бы его герои в изображаемой ситуации.

Так как в нашей работе основное внимание уделено модальным отношениям при высказывании чужой речи, следует описать особый способ её передачи – интонации.

При введении в текст чужой речи она часто так или иначе оценивается, что можно заметить, рассматривая интонационный контур пересказывания. И. Б. Левонтина (2010: 287) утверждает, что интонация пересказывания так искажает исходную фразу, что слушающему сразу понятно, что это не собственные слова говорящего. Помимо этого, если говорящий негативно оценивает пересказываемую речь, то может возникать явление передразнивания, для этого существуют разные фонетические и даже мимические средства. Важным замечанием, по мнению И. Б. Левонтиной (там же) является то, что чужая речь может передаваться не путем собственно пересказывания, а путем имитации речи. Помимо маркеров ренарратива, о которых пойдет речь в следующей главе, существуют «заместители речи». К таким единицам И. Б. Левонтина относит бессмысленные сочетания, которые обычно содержат повторы и рифмы, сопровождающиеся особым интонационным контуром (сочетания типа *ля-ля тополя, тэ-тэ-тэ, тыры-пыры*, а также довольно новое заимствование *бла-бла-бла*). Подобные речеподражающие единицы часто используются в устной речи, особенно если перед этим уже был какой-то намек на содержание чужой речи и продолжение, в общем-то, понятно (там же: 287).

Как мы можем понять, просодическое оформление чужой речи плохо фиксируется в письменном материале устной речи (так как требуется особый просодический контур). При анализе маркеров чужой речи на материале устного корпуса НКРЯ нам остается полагаться на языковое чутье и довериться коммуникативной интуиции.

3.2 О терминологии маркеров чужой речи

В работах, которые посвящены маркерам чужой речи, встречаются термины *ксенопоказатель* (Арутюнова 2000; Плунгян 2008; Левонтина 2010) и *маркер ренарратива* (Копотев 2014). Ниже приведем найденные характеристики данных терминов.

Термин *ксенопоказатель* был введен относительно недавно Н. Д. Арутюновой (2000: 437). В своей работе «Показатели чужой речи *де, дескать, мол.*» автор, ссылаясь на Бахтина (2002: 218), пишет следующее: «Чужие слова, введенные в нашу речь, неизбежно принимают в себя новое, наше понимание и нашу оценку, т.е. становятся двухголосными». Анализируемые частицы Н. Д. Арутюнова (2000: 437) предлагает называть «ксенопоказателями, т.е. знаками чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира». Автор также указывает на то, что выражения с использованием *ксенопоказателей* передают в первую очередь «чужой смысл, а не чужие слова» (там же: 443), и используются в тех случаях, когда важны не факты о сообщаемом, а выводы, заключения, сомнения, решения, подозрения и т.п. о передаваемой информации. (там же: 446 – 447).

Вслед за Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтина (2010: 284), исследуя пересказывательность в русском языке, использует тот же термин *ксенопоказатели* к словам типа *мол, дескать, де* и рассматривает их в контексте эвиденциальности³. По её мнению, «такие слова притягивают разного рода оценки, чаще отрицательные, воспроизводимой речи».

Рассматривая отдельные отглагольные ренарративные частицы, М. В. Копотев в работе «Эволюция русских маркеров ренарратива» (2014) называет их маркерами ренарратива, которые, как он указывает, являются разновидностью категории эвиденциальности, обладают цитативным значением и указывают на то, что информация известна с чужих слов.

Анализируя два вышеуказанных понятия, можно прийти к выводу о том, что термин *ксенопоказатель* намного шире, чем термин *маркер ренарратива*, так как первый включает в себя не только передачу чужой речи, но и мыслей и умозаключений другого человека, в то время как второй указывает лишь на пересказ

---

³ Эвиденциальность – это ссылка говорящего на источник его сведений. В языках с грамматической категорией эвиденциальности высказывание о факте, т.е. о событии, которое говорящий сам видел или в котором принимал участие (прямая эвиденциальность), в обязательном порядке отлично от высказывания, где говорящий сообщает то, что ему сказали (цитатив); или результат своих умозаключений (инферентив); или то, что ему показалось (имперцептив) – косвенная эвиденциальность. (Падучева 2011: 2)

другим человеком известной информации. Однако, по нашему мнению, эти два термина синонимичны, и использование одного или другого термина для названия подобных единиц определяется лишь личным предпочтением исследователя.

Небезынтересным остается и вопрос о тех случаях, когда частицы типа *мол* используются для пересказа не только чужой речи, о которой говорится в определении и одного, и другого термина, но и в тех случаях, когда говорящий цитирует свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую в будущем:

- (1) Меня пробрало даже, веришь? Ну. Сержант подбежал, нашатырь тянет, еще один рядом с рацией наготове. Я говорю, **мол**, спасибо, мужики, медицины не надо, сами доберемся. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

Н. Д. Арутюнова (2000: 443) упоминает о «передачи собственных слов» в контексте подлинности первичного высказывания, однако не останавливается на раскрытии этой темы и рассматривает основную функцию ксенопоказателей, которая «состоит в маркировке присутствия Другого».

По мнению В. А. Плунгяна (2008: 1), «значения лексических единиц оказываются гораздо богаче», поэтому возникает сложность причисления ксенопоказателей к категории эвиденциальности и описания их семантических свойств «с помощью того набора ярлыков», которые существуют на данный момент для грамматических единиц. Вслед за В. А. Плунгяном, Е. В. Падучева (2011: 1) отказывается от наличия показателей недостоверности, эвиденциальности и эпистемической модальности в частицах *мол* и *дескать* и анализирует их как способ выражения цитирования.

На этом попытки лингвистов найти подходящий термин и создать ёмкое описание подобных языковых единиц не закончились. Автор монографии «Русский разговорный диалог: Структура и динамика» (Борисова 2009: 234–235) считает, что в разговорных диалогах появляются монологические и диалогические репродуктивы, для которых чужая речь является первичной и называет их маркерами авторской принадлежности речи, маркерами чужого авторства воспроизводимого текста или маркерами устности.

Н. В. Богданова-Бегларян (2014) обосновывает необходимость нового термина для «особых единиц устного дискурса» и отмечает, что при выражении различных реакций говорящего на окружающую действительность «обычная

лексема превращается в прагматему⁴ или прагмалексему⁵». Термин *прагматема*, по мнению Н. В. Богдановой-Бегларян, является более удачным, так как подобные единицы представляют собой целые конструкции, а не отдельные лексемы, и могут иметь несколько вариантов употребления. Так, прагматема включает в себя более десятка различных разрядов: «междометные прагматемы, хезитативные, дискурсивные и ритмообразующие маркеры, маркеры поиска и самокоррекции, маркеры-ксенопоказатели и маркеры-аппроксиматоры, а также ряд др.». К маркерам-ксенопоказателям автор предлагает относить лишь те единицы, которые вводят в повествование чужую речь и несут в себе полифункциональность. В примерах указаны конструкции с *типа того, такой, тосим-босим*. Любопытным на наш взгляд показалось то, что Н. В. Богданова-Бегларян (там же: 13) проводит временную границу между ксенопоказателями, разделяя их на «старые» (*мол, дескать, де*) и «новые» (*типа, так и так* и др.), и наглядно показывает, что при их содействии прагматическая функция подтверждается и усиливается. В качестве примера приведем найденный пример в устном корпусе НКРЯ:

- (2) К Надьке подхожу и говорю / Надь / почему так произошло? / молчит / вот так / знаешь / **типа** / **мол** / не твоё дело [Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006]

Подводя итоги этой главы, стоит отметить, что обзор явлений, связанных с пересказывательностью, показал, что данные языковые единицы трактуются разными исследователями неоднозначно и разнообразно, соответственно, называются разными терминами, которые варьируются в зависимости от выбранного подхода. Не существует и единого мнения о проблеме отношения маркеров чужой речи к категории эвиденциальности. Как мы видим, исследователи условно делятся на две категории: те, кто соотносят частицы типа *мол* с эвиденциальностью (Арутюнова 2000) или к разновидности эвиденциальности (Левонтина

---

⁴ Термин *прагматема* впервые используется лингвистом Игорем Мельчуком (1995), который рассматривает три основных класса фразем: некомпозиционные, т.е. *идиомы*, и композиционные, к которым относятся полуустойчивые, т.е. *коллокации*, и устойчивые, т.е. *клише*. Автор выделяет особый подкласс прагматем, описывая их как клише, ограниченные ситуацией употребления.

⁵ Термин *прагмалексема* был введен Р. Райтмайр (1975) для описания русских усилительных частиц и немецких *Modalpartikeln* (модальных частиц), которые используются для отражения информации, характеризующей различные аспекты взаимодействия между участниками общения (Борисова 2012).

2010, Копотев 2014) и те, кто не наделяют данные частицы эвиденциальным значением (Плунгян 2008, Падучева 2011). В связи с этим нам представляется уместным называть исследуемые в данной работе языковые единицы «модальными ренарративными словами», так как, во-первых, частицы типа *мол*, *якобы* и *типа* в современном русском языке стали включать в себя модальную оценку высказывания, то есть отношение говорящего к передаваемому высказыванию (сомнение, подозрение, недоверие и др.), и, во-вторых, они являются показателями пересказывательности, то есть ренарратива, как «чужой» речи, так и собственной речи в прошлом или будущем гипотетическом времени.

В подтверждение нашей позиции, В. А. Плунгян пишет о том, что

[...] по всей вероятности, модальная сфера для всех этих частиц является сравнительно новой – она характеризует современный русский узус, который формируется приблизительно с конца XIX в. (как об этом свидетельствуют и приведенные примеры). Более ранние употребления данных частиц были иными – скорее всего, всё же преимущественно (или даже чисто) эвиденциальными; именно в таком качестве они фиксируются и в словаре Даля. Можно полагать, что эвиденциальный компонент их значения вытеснялся модальным постепенно; это подтверждается данными среднерусского и раннего современного русского языка (до середины XIX в.), а также диалектов, где столь сильного модального значения у ксенопоказателей нет. (Плунгян 2008: 13).

4. АНАЛИЗ СРЕДСТВ МАРКИРОВАНИЯ РЕНАРРАТИВА

4.1 Метод работы

Анализ корпусного материала позволяет увидеть разнообразие употреблений маркеров ренарратива, которое нас интересует в данной работе, а также проследить динамику изменений этих значений, в том числе их частотность. Мы попытаемся выявить тенденции развития значений ренарративных частиц в русском языке и проследим, какие частицы используются чаще всего во временном промежутке, в частности с 1990 года, так как нас интересует языковая картина современного русского языка. В большей степени нас будут интересовать значения маркеров ренарратива в современной устной речи и их возможный модальный компонент при определенном контексте. Для этих целей мы будем использовать устный подкорпус НКРЯ при анализе употреблений подобных частиц. Устному подкорпусу посвящена следующий раздел.

4.1.1 Устный корпус НКРЯ

С развитием современных компьютерных технологий стало осуществимым создание и использование речевых баз данных. В последнее время во многих странах мира появляются все больше и больше корпусов спонтанной речи для того, чтобы выявить наиболее реалистичную картину живого языка, а также в некоторой степени предугадать развитие языка. Устный корпус может быть полезен не только для лингвистов, изучающих изменения в современном языке, но и для исследователей, которые занимаются распознаванием речи, а также для иностранных студентов и всех, кто интересуется устной речью.

Корпус устных текстов, входящий в состав Национального корпуса русского языка, существует с 2007 года. На апрель 2018 года данный корпус содержал 12 113 491 словоупотреблений и 3 913 документов. Корпус включает в себя расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также реплики из кинофильмов. Первые записи разговорной речи относятся к началу XX века, а последние сделаны в 2016 году. В устном корпусе НКРЯ возможен лексический, морфологический и семантический поиск, а также формирование пользовательских подкорпусов, в том числе по социологическим параметрам (имя и пол говорящего, год рождения), по жанру, типу, тематике текста, по месту и времени описываемых событий, по времени создания, месту записи и стилю текста (Гришина 2005). Такая разметка позволяет довольно быстро производить исследования, которые в отсутствии социологической разметки требовали бы от пользователя значительных усилий.

4.2 Мол, дескать, де, грит

Как уже отмечалось ранее, в традиционной русистике выделяются три частицы, которые обозначают «чужой стиль» выражения, субъективную передачу чужой мысли и речи (Виноградов 1972: 577–581, Розенталь и Теленкова 1985: s.v. Частицы) – это *мол*, *дескать* и *де*. В статье М. В. Копотева (2014: 733) подробно описывается эволюция (древне)русских маркеров ренарратива, таких как *реци*, *деяти* (в значении ‘говорить’), *молвити*, *сказати*, *баити*, *говорити*. Такие частицы «возникли из конкретных морфологических форм глаголов речи, попавших в схожие ритмико-семантические условия, в результате чего они подверглись схожим семантическим и фонетическим деформациям, превратившись в частицы, маркирующие чужую речь» (там же: 733). Поэтому нам представляется возможным рассматривать в данном разделе наряду с *мол*, *дескать* и *де*, частицу *грит*, так как она также этимологически восходит к форме глагола и говорения

и употребляется в современном языке. В научной литературе существует несколько мнений о различии значений подобных частиц. Ознакомимся с некоторыми из них.

Как мы уже упоминали, чаще всего частицы *мол*, *дескать* и *де* встречаются практически в синонимическом значении и никак не дифференцируются. Однако, у В. В. Виноградова (1975: 80) мы находим некоторую стилистическую характеристику данных частиц. Так, по его мнению, частицу *мол* следует относить к разговорным, *дескать* – к просторечным, а *де* – к устарелым.

В. А. Плунгян (2008: 2) отмечает, что пока что еще не предложено «полного семантического описания русских ксенопоказателей», которое бы учитывало все особенности их употребления. Он (там же: 6) пишет о том, что «в случае трех ксенопоказателей мы явным образом имеем дело с синонимичными лексемами – близкими по смыслу, но имеющими различия именно в семантике, а не в стилистике или прагматике» (Плунгян 2008: 6). Поэтому при описании подобных частиц, В. А. Плунгян пытается установить разграничение лексических синонимов, опираясь на их смысл. По его мнению, функция всех трех ксенопоказателей состоит в том, что они «указывают на то или иное отличие воспроизводимого текста от первоначального. Это отличие более слабое в случае *мол* – и более сильное в случае *де* и *дескать*». Анализируя примеры использования, Плунгян (там же) приходит к выводу, что *мол* используется для приблизительного пересказа первоначального текста, *дескать* – для интерпретации первоначального текста (то есть говорящий сам достраивает недостающий или скрытый смысл для правильного понимания), а частица *де* – единственный ксенопоказатель, который выражает определенное отношение говорящего к сообщаемому. Стоит отметить, что, по мнению Плунгяна (2008: 10), частица *де* может нести в себе иронический компонент в речи говорящего, который выражает своё недоверие к содержанию сказанного.

Продолжая умозаключения В. А. Плунгяна, Е. В. Падучева (2011) анализирует ксенопоказатели, используя в своем исследовании два взаимодействующих компонента: (а) – говорящий считает, что смысл сказанного относится к цитируемому лицу (т.е. компонент маркирования чужой речи), (б) – говорящий не несет ответственности за сказанное либо не имеет мнения по этому поводу, либо не согласен, либо не считает, что цитируемое лицо сказал то, что думает.

Подтверждая сказанное В. А. Плунгяном (2008), Е. В. Падучева делает вывод, что компонент (а) всегда присутствует в ксенопоказателе, т.е. «маркируют цитирование, отстранение говорящего от ответственности за содержание сказанного». Что касается второго компонента (б), то он присутствует не всегда и вы-

ражен, скорее, контекстом, чем семантикой самой частицы. Однако, как отмечает автор (там же: 8), при наличии контекстной поддержки у *дескать* можно проследить модальное значение, чего нельзя сказать о *мол*. Е. В. Падучева (там же) утверждает, что несогласие говорящего с цитируемым лицом частицей *мол* не выражается вообще.

А. Н. Баранов (1994:116) предлагает рассматривать семантику *мол* и *дескать* в рамках идеи коммуникативной ответственности. Он утверждает, что «*дескать* отражает нежелание говорящего брать на себя ответственность за чужое (в целом или частично), а *мол* – напротив, свидетельствует о том, что за какие-то фрагменты чужого он готов разделить ответственность с автором цитаты».

Что же касается маркера ренарратива *грит*, который, по нашему мнению, должен быть рассмотрен в этой же связи, то при анализе данной единицы возникает несколько разных суждений. Суть этих мнений сводится к тому, что редуцированная форма глагола *говорит* еще не стала частицей *грит*, как утверждает Н. Д. Арутюнова (2000: 437). Этому свидетельствует согласование с субъектом, например: форма *грит* восходит к третьему лицу единственного числа, *грят* – к третьему лицу множественного числа, и *грю* – к первому лицу единственного числа. Как отмечает М. В. Копотев (2014: 724), «их затруднительно отличить от обычного употребления глагола в соответствующей форме, часто единственным критерием оказывается фонетическая редукция при сохранении морфологического согласования с контекстом». Сеем предположить, основываясь на высказывании М. В. Копотева (там же: 727), что процесс изменения употребления подобной частицы вскоре приведет к тому, что словоформа *грит* выпадет из глагольной парадигмы и будет возможно использование без учета согласования с субъектом речевого акта. Тогда уже можно будет с уверенностью говорить о *грит* как о полноправной частице, выполняющей функцию маркера ренарратива. Пример, который приводится в подтверждении этой гипотезы, найден М. В. Копотевым в корпусе «Один речевой день»⁶:

вдруг какая-то повестка такая лежит / в военкомат / там как бы явиться мужу её // я такой / ну звоню **грит**... типа говорю / вы знаете / этот человек он (э...э) моряк / сейчас в море. (Копотев 2014: 727).

---

⁶ «Один речевой день» – корпус современного русского языка повседневного общения, который разрабатывается в настоящее время в институте филологических исследований факультета филологии и искусств СПбГУ.

Из всего вышесказанного следует, что в устной речи граница между маркером ренарратива *грит* и редуцированной формой глагола *говорить* нечеткая, а значит при анализе подобных частиц необходимо придерживаться осторожности.

Рассмотрим найденные примеры с частицами *мол*, *де*, *дескать*, *грит* и попробуем разобраться в различиях их употребления. Отметим, что для анализа *грит* мы будем принимать во внимание только те случаи, где частица употреблена в качестве маркера ренарратива.

4.2.1 *Мол*

Анализ показателей чужой речи нам представляется нужным начать с маркера ренарратива *мол*, так как он оказался самым частотным по найденным примерам в Устном корпусе НКРЯ (244 вхождения по состоянию на апрель 2018). Рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд, варианты употребления данной частицы.

Напомним, что, по мнению Н. Д. Арутюновой (2000: 443), ксенопоказатели в первую очередь выражают «чужой смысл, а не чужие слова», тем самым передают решения, выводы, сомнения и др. говорящего о передаваемой информации. Наглядный вариант передачи смысла, а не слов мы видим в следующих примерах:

- (3) Апология есть / пардон за банальность / восхваление с целью защиты. А фантастику нужно защищать не только от писателей- снобов и плохих читателей / но ещё и от неумных политиков / Зюганова / например / заявляющего между делом / что он любит читать фантастику. Как бы после такой антирекламы от нас не отвернулась вся демократическая общественность / **мол** / ваша фантастика / это литература коммунистического прошлого! [Дискуссия о научной фантастике // Интернет, 1986-1990]
- (4) Ваня приезжает/ говорит/ «Катя/ не приходится мне тебя взять». **Мол**/ международное положение было какое-то/ ну/ обманули/ короче. [Рассказ об истории семьи и жизни в Казахстане // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011]
- (5) Американцы Хрущу про ту аварию напомнили. Ну / **мол** / радиация и всё такое. А он / в несознанку / не может быть. [Павел Чухрай. Водитель для Веры, к/ф (2004)]

Стоит подчеркнуть, что в примере (4) о передаче смысла, а не о точном воспроизведении чужой речи, нам говорит также наличие *короче* в конце фразы, а в примере (5) сокращение чужих слов «до смысла» сводится к невероятному минимуму *радиация и все такое*.

Пример (6) показывает не только использование частицы *мол* в контексте пересказа своей собственной речи, воспроизводимой в прошлом, но и свободное положение и повторение данной частицы в речи:

- (6) Когда я сказал/ что я типа/ **мол** это/ **мол** московский студент/ она сказала/ "Ой/ а у меня дочка в Москву уехала работать". [Разговор за чаем // Из коллекции НКРЯ, 2009]

Пример (7) также показывает подвижную позицию частицы *мол*. Она может стоять не только перед чужой речью, но и внутри её или завершать её:

- (7) Ну там какой-то номер был/ вот/ наверное/ тот же самый. Да? И/ значит/ Водяной **мол** шутит здесь/ и я с ним разговариваю **мол**. Кто-то написал. Ну вы понимаете/ да/ молодой какой-то паренёк. [Разговор с милиционером о телефонных хулиганах // Из коллекции НКРЯ, 2009]

Пример (8) отсылает нас к вопросу о передаче возможной, гипотетической чужой речи:

- (8) Так пришлось на лапу дать / чтоб на обследование положили. Это же не шуточки! [Юля, жен] Что ты! Слава богу / еще за деньги положили / могли бы сказать / **мол** / все переполнено. Мест нет. [Рита, жен] Ой / Юлька. Что творится / что творится. [Разговор подруг на рынке // Из коллекции НКРЯ, 2006]

В примерах (9) и (10) можно увидеть, как маркер ренарратива, в частности *мол*, может выполнять поясняющую функцию, интерпретировать не только чужие слова, но и жесты, поведение и поступки других людей:

- (9) Яго и Сиха / что за пары! Там слепому понятно / у Сихарулидзе / новая партнерша / их / значит / неэтично выбрасывать пока / а Яго Тарасова не отпустит. И все такие изумленные лица сделали / **мол** / ну надо же! Как будто сами заранее этого не знали! [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006]
- (10) Дурак, дурак, - кричал он ему изо всех сил, —возле тебя косуля пробежала! Куда ты смотрел! - Сам дурак, —тихо сказал Датуша и не стал ему ничего отвечать. Он только махнул ему рукой, **мол**, отвяжись. [Ф.А. Искандер. Пастух и косуля // ImWerden, 1990-2004]

Пример (11) интересен тем, что здесь употребляются два маркера ренарратива в непосредственной близости друг от друга. Подобное использование *мол* и *де-скасть* ставит под сомнение представление об их синонимичности, а также гипотезу А. Н. Баранова (1994: 115) о том, что порядок частиц *мол* *дескать* является невозможным и абсурдным, в то время как *дескать мол* видится единственным

возможным сочетанием. Однако, как показывает анализ данных устного подкорпуса, сочетание *дескать мол* не употребляется вообще (ни одного случая подобного сочетания не было обнаружено)⁷.

- (11) То есть как бы закруглили идею. Когда Павлова сказала, что это что—улица Марата—прочла на вывеске—да, **дескать**. - Ну, **мол, дескать**, туда и пришли. Вот. Ага. [Беседа о прогулках по Петербургу // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2001]

Если же говорить о модальном значении частицы *мол*, то в примерах (3), (4) мы видим отрицательную оценку чужой речи, правда, стоит отметить, что, скорее всего, показателем этого неодобрения служит контекст, а не сам маркер ренарратива. Однако в примерах (7), (8), (9) мы можем проследить, что при помощи *мол* выражается субъективная оценка передачи речи говорящего. Так, в примере (7) *мол* выражает модальное отношение говорящего лица к предмету сообщения, а именно недостоверность и сомнительность сказанного. В примере (8) *мол* приобретает отрицательную оценку гипотетического высказывания, а в примере (9) говорящий приписывает поведению других людей и их гипотетической внутренней речи эмоционально-волевое отношение.

4.2.2 *Дескать*

Маркер ренарратива *дескать* встречается в Устном корпусе НКРЯ существенно реже, чем *мол*: 69 вхождений по состоянию на апрель 2018. Как отмечает В. А. Плунгян (2008: 9), при использовании *дескать*, говорящий «в большей степени берет на себя ответственность за возможные модификации первоначального текста». Соответственно, *дескать* наполнен компонентом достраивающей говорящим информацией. В примерах (12), (13), (14), (15) в маркере чужой речи появляются модальные значения оценочности, сомнения или недоверия.

В примере (12) очевидно, что говорящий не считает пересказываемую информацию правдивой. Употребляя *дескать* перед словом *реально*, он создает акцент на противоположном значении слова *реально* (т.е. ему не представляется это возможным):

- (12) Я парочку иллюстраций из прошедшей избирательной кампании. Вот / например в одном из регионов местные лидеры "СПС" решили / что са-

---

⁷ Рассмотрим подробнее подобные комбинации маркеров ренарратива в главе 4.5.

мым лучшим лозунгом будет пообещать людям увеличение средней зарплаты до 1000\$. **Дескать** / это реально. [Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004]

Пример (13) удачно показывает возможную функцию *дескать* как маркера ренарратива, которая заключается в модальной оценке говорящим воспроизводимого. Благодаря контексту, мы можем определить, что в начале пересказа говорящий использует *дескать* для выражения заведомо ложной информации, тем самым отдаляясь от ответственности за эти слова, и потом объясняет, что это не является правдой:

- (13) Ну хотя бы / что в газетах и прессах пытались стравить / но не получилось. [№ 0] Кого с кем стравить? [№ 5, муж, 57] Ну / пытались / что / **дескать** / он подсиживает Путина и хочет / ну / потом разобрались / что он не собирается подсиживать. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

В примерах (14) и (15) чувствуется неуверенность говорящего по отношению к воспроизводимым чужим словам, выраженная частицей *дескать*. Говорящий либо вовсе не согласен с этим (14), либо сомневается (15):

- (14) Но важный момент состоит в том/ что внутри горизонта мы действительно знаем то/ что мы знаем. А вот критика направлена на то/ что/ **дескать**/ у нас знания недостоверны/ потому что одни теории сменяют другие. [Вселенная и Человек. Программа "Гордон" (НТВ) (2003)]
- (15) С другой стороны/ параллельно видимо шёл процесс слухов/ не знаю кем пущенных/ я не думаю/ что это на самом деле/ что римско-католическая церковь/ **дескать**/ умышленно попридерживает публикацию тех текстов/ где особо эксплицитно говорится о божественном происхождении Мессии/ [Христос из Кумрана. Программа "Гордон" (НТВ) (2001)]

Помимо прочего, при анализе высказываний с *дескать* встретился случай, где данный маркер ренарратива выполняет функцию поясняющего слова. При этом поясняется причина описываемого поведения, а точнее нежелание что-либо делать, так как это всё бесполезно. Так, в следующем примере в первом и во втором случае *дескать* используется как маркер ренарратива по отношению к гипотетической речи, а в третьем – с помощью *дескать* не только поясняется вышесказанное, но и выражается компонент сомнения (говорящий не разделяет такую же точку зрения):

- (16) Поэтому м... как бы мы ни согрешили / мы не можем так вот дерзко думать / что мы безвозвратно погибли / если мы погибнем / то каждый из нас токо по своей вине / либо из гордости / вот / либо из упрямства /

либо из приверженности к каким-то страстям / там / нехорошим привычкам / или просто ложному мнению / вот / втемяшится в голову такая мысль / *дескать* / это только от лукавого может быть / что /*дескать* / я не спасусь / это токо для того / чтобы ничего не делать / *дескать* это всё бесполезно. [Протоиерей Димитрий Смирнов. Ответы слушателям радио "Радонеж" в прямом эфире на вопросы о вере и спасении. Ч. 4 // <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/smirnov/>, 1996-1999]

На основе найденных и проанализированных примеров нам представляется возможным говорить о явном присутствии модального значения в семантике *дескать*. Говорящий, используя *дескать*, может выражать сомнение (пример 15 и 16) и/или недостоверность пересказываемой информации (12, 13, 14, 15).

4.2.3 *Де*

Как показали результаты поиска данного маркера ренарратива в Устном корпусе НКРЯ, *де* является самым малоупотребительным маркером чужой речи в современном русском языке (всего 5 соответствующих примеров на апрель 2018). В. А. Плунгян (2008: 10) утверждает, что именно частица *де* выражает определенное отношение говорящего к сообщаемому: говорящий «не столько подвергает сомнению достоверность передаваемых им высказываний, сколько, так сказать отстраняется от них, не считая их заслуживающими внимания аргументами».

Особенностью частицы *де* является то, что в отличие от *мол*, *дескать* и *грит*, она не может стоять в положении абсолютного начала предложения, как и конца предложения (Баранов 1994: 123). Н. Д. Арутюнова (2000: 438) отмечает, что «*де* тяготеет к постпозиции, становясь своего рода энклитикой. Она указывает на чужую речь через маркировку слова. Поэтому возможна множественность вхождения *де* в предложение».

Примеры (17) и (18) подтверждают слова Н. Д. Арутюновой о постпозиции частицы по отношению к определяемому существительному, однако множественность использования *де* в одном высказывании на материале корпуса никак не подтверждается⁸:

---

⁸ Стоит отметить, что Н. Д. Арутюнова (2000: 438) рассматривает частое употребление *де* в одной фразе на примерах литературных произведений конца XIX – начала XX веков (например, Ф. М. Достоевского, М. Горького, А. Белого).

- (17) Мы всегда хотим начинать все с ноля / все по новой / все сначала. Уже не Пенская / а Пинский / когда Ярослав Иванович сказал "группа Днепра / Шадрикова" и "Болотова тоже" / а Болотов всегда был / не надо нас противопоставлять и сталкивать лбами. Мы-де начинаем все сначала. Не начинаем мы сначала. Мы будем продолжать серьезную работу. Это первое. [Обсуждение стандарта общего образования по истории // Из коллекции НКРЯ, 2002-2003]
- (18) [Респондентка, жен, 87]. Поля-де соскочила с окошка и убежала / говорит / на уличу. На уличу убежала / она / говорит / к овину. Овины раньше / свое гумно делали. Она / говорит / как к гуменнику / туда убежала. [Об обрядах (беседа филолога с информантом) // Экспедиция филологического ф-та МГУ, 2003]

Следует принять во внимание, что в примере (17) *де* выражает недостоверность высказывания, что становится понятно из контекста: говорящий, употребляя *де* как маркер ренарратива, акцентирует внимание на несогласии с пересказываемой чужой речью.

Пример (18) нужно рассматривать скорее опционально, так как респондентке 87 лет, о чем сказано в метаразметке НКРЯ. Нам видится уместным предполагать, что для представителей более старшего поколения использование *де* в устной речи представляется нормальным, в отличие от более современного поколения. Это подтверждается тем, что в устном корпусе с 1990 года нашлось всего 5 примеров с употреблением данной частицы.

М. В. Копотев (2014: 724) приходит к выводу о том, что переход из древнерусского *десяти* в *де* «продолжился в направлении дальнейшей фонетической редукции частицы, и не исключено, что он завершится ее полным исчезновением». Мы соглашаемся с данным высказыванием и смеем предположить, основываясь на анализе корпусных материалов устного корпуса, что частица *де* настолько редко употребляется в устной речи современными носителями русского языка, что в скором времени останется лишь в памяти людей старшего поколения и в письменных источниках.

4.2.4 *Грит*

Как мы уже отмечали ранее, с этимологической точки зрения частица *грит* относится к глаголу *говорить*. Как подчеркивает В. В. Виноградов (1975: 79–80), модальные слова или формы слов разных частей речи, которые относятся к целому предложению, легко редуцируются в частицы: «этому способствует и своеобразие их интонационно-мелодической фразировки (ср. *гыт*, *грит* вместо: *говорит*)». Он также замечает, что такой переход происходит из-за ослабления их лексического значения или изменения их грамматической функции:

«Особенно резкому преобразованию подвергаются те модальные слова, которые указывают на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи. Ведь чужая речь в передаче другого человека обычно выделяется своеобразиями словаря и синтаксиса. Поэтому формы и значения вводных глагольных слов, указывающих или указывавших на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, при отсутствии задерживающих условий, очень неустойчивы» (Виноградов 1975: 80).

О том, что *грит*, как и рассмотренная ранее частица *де*, всё чаще выступает в роли постпозиции и может употребляться несколько раз в высказывании, присоединяясь к любому слову в предложении, пишет Н. Д. Арутюнова (2000: 438). Наши примеры (19) и (20) показывают свободную, «блуждающую» позицию *грит* в речи говорящего:

- (19) Он **грит** / «А я / **грит** / у меня / **грит** / образования / **грит** / нет никакого / говорит / я был бри... колхозным бригадиром». Вот я ему показал / рассказал. Винтовку я получил. Я ещё удивился / ещё лаком так она блестела / покрыла... покрыта была хорошо. [Земное и небесное (с. Воейково Ленинградской обл.). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009]
- (20) Я такая сумку швыряю на стол / я говорю / «Паш / чё тут за дела-то?» Он **грит** / Тань / я / **грит** / не знаю / меня / **грит** / в пятницу не было тут. [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Пример (21) показывает возможное положение *грит* в начале чужой речи, где оно выполняет функцию дискурсивного маркера старта:

- (21) Я/ короче/ тут щас приехал/ приехал тут со всеми разговариваешь. Саня Зимин тоже хочет уже куда-нибудь свалить. **Грит**/ "Надоело/—**грит**/—я/—**грит**/—чё/ здесь уже/—**грит**... [С., муж] Ага. [Р., муж] ... шесть лет на одной должности/—**грит**/—туда-сюда"/—**грит**. [С., муж] Ага. [Разговор по телефону с приятелем // Из коллекции НКРЯ, 2009]

Помимо этого, пример (21) интересен тем, что первое и последнее употребление частицы *грит* можно рассматривать как редуцированную форму глагола, однако остальные *грит* точно являются маркером ренарратива, так как включены в слова другого человека, снимая с него ответственность за пересказываемое, которые явно передают общий смысл сказанного Саней Зиминим. Мы видим смешение своих и чужих слов, прямой и косвенной речи.

В ходе анализа данной частицы нам видится важным охватить её возможные варианты, так как данный маркер ренарратива еще не стал полноценной частицей, а значит имеет несколько форм согласованных с субъектом (*грю*, *грят*) и редуцированных вариантов (*гьт*, *горит*).

Как показывают материалы корпуса на апрель 2018, частица *грю* встречается в корпусе довольно часто (289 вхождений), однако в большинстве случаев используется в непосредственной близости с субъектом (с местоимением *я*), поэтому относить *грю* к полноправной ренарративной частице, по нашему мнению, пока что не представляется правильным. Однако следует обратить внимание на такие примеры:

- (22) Ну / да. [Ольга Вячеславовна, жен, 47] Быстро. Хорошо. [Татьяна Валерьевна, жен, 47] Я говорю / тебе хорошо / а мне чё **грю** менять шило на мыло. [Ольга Вячеславовна, жен, 47]. [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2009]
- (23) Я говорю «Ребята а вот / я **грю** вы помните как Масленица проходила?» «Да». Я говорю «Ну / чё там интересного кто там приходил? Они кричат «Ой / там вот этот приходил / эта приходила / эта это делала / это делала / это сделал». [Дискуссия по педагогике // Из коллекции НКРЯ, 2007]

В примерах (22) и (23) в начале предложений присутствуют конструкции «я говорю», после чего начинается прямая речь сказанного самим повествователем, внутри которых появляется *грю*, по функции напоминающее частицу типа *мол*. Повторимся, что рассматривать эту форму как частицу в данных случаях следует с осторожностью, потому что есть вероятность, что здесь *грю* используется как укороченная форма глагола *говорить*.

В примерах (24) и (25) оснований для рассмотрения *грю* как маркера ренарратива больше, так как частица стоит после глаголов речи *сказать* и *спросить* в прошедшем времени, тем самым не сохраняя согласование времен:

- (24) То есть им это в копеечку выходило. Я / Григорь Петровичу рассказала / **грю** «Гриш / там / проблемы такие. А сможешь?» Он «Да конечно / пусть покажут производство / посмотрим». Всё / договорились / пришли / ээ задание тут же написали что вот то-то то-то у нас / сорок пропрям в задании «сорок процентов брака / помогите». [Допрос свидетеля защиты на судебном заседании по делу Г.П. Грабового // Интернет, 2008]
- (25) Ну что-то такое / да / сто рублей // Я тётю Таню спросила / **грю** / а в чём там ходят уже? Она грит в тёплых куртках // [Мать, жен, 1944] Да / она / наверно / с подстёжкой нашу куртку / наверно / носит // *** Ну я видела / это / стоял в Москве корреспондент / что-то такое вещал / показывали / на нём была куртка с меховым воротником // [Кроссворд // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2008]

Пример (26) нам кажется интересным, так как первое использование *грю* можно рассматривать как редуцированную форму глагола, которая движется в сторону ренарративной частицы, а второе *грю* включено в прямую речь и используется в непосредственной близости с вводной конструкцией *честно говоря*, которая также содержит в себе глагол *говорить*. Это служит основанием для предположения, что говорящий использует *грю* как частицу и наличие тавтологии в предложении его не смущает:

- (26) А я так смотрю / я **грю** / «Вы знаете / я **грю** / *честно говоря* / не очень м-м-м... хороший рыбак. Я как-то не очень это дело люблю / поэтому / как мотаются удочки / я как-то не знаю». И вот первые / *честно скажу* / первые четыре месяца / это просто на характере держался / потому что / ведь ээ... жизнь в деревне / это же / в общем-то / конечно / ад. Надо и хозяйство держать / но вместе с тем надо быть и учителем. [Ивановка... две судьбы. Д/ф из серии "Письма из провинции" // Т/к «Культура», 2008]

Что касается формы *грят*, то в Устном корпусе НКРЯ нашлось всего 36 вхождений, из которых только 2 случая могут рассматриваться как предложения с использованием *грят* в роли частицы, а не редуцированной формы глагола третьего лица множественного числа.

- (27) У него шофёр в поле убежал / ему дали ... [нрзб] ... на исправление / **грят** / как ему сказали / две недели / **грит** / он пил /шофёр / ну вот / они / значит / ехали из Москвы. [Застольный разговор // Из материалов Саратовского университета, 1995]

В примере (27) говорящий использует *грят* для обозначения начала чужой речи, а для пересказа пересказанной речи вводит фразу «*как ему сказали*», чтобы отметить, что это было сказано другому человеку, а не самому повествователю. Похожий пример рассматривает Н. Д. Арутюнова (2000: 439):

Доктор не ехал: второй гонец, посланный за ним, привез тот же ответ: «Велел, **де**, сказать, что немножко, **де**, повременить надо: на очень, **дескать**, трудных родах» (Герцен).

В этом случае в одном предложении с помощью частиц *де* и *дескать* снимается ответственность за сообщение сказанного и пересказанного, таким образом, «*де-1* выражает отчуждение первой степени, а *де-2* – второй» (там же).

В нашем примере (27), использование одной частицы для отчуждения второй степени невозможно, так как *грит* требует морфологического согласования

с контекстом. Это в очередной раз доказывает, что данная единица еще не перешла в ряды полноправных частиц, которые выполняют только функцию маркера ренарратива.

Пример (28), с одной стороны, ставит под сомнение вышесказанное о невозможном использовании *грят* без согласования времен (что дает повод рассматривать в данном случае *грят* как частицу), но, с другой стороны, в данном предложении есть обстоятельственное наречие времени *всегда*, которое допускает использование и прошедшего, и настоящего времени и, по всей видимости, может относиться и к той, и к другой части высказывания (*нам всегда завидовали / нам всегда говорят*). Стоит также отметить, что, исходя из контекста, говорящий выражает некоторое сомнение в высказывании чужой речи, используя *грят* как маркер ренарратива:

(28) Я ведь сам полусирота: отец погиб на войне. Нам всегда завидовали / **грят**: «Такая красивая пара! Такая добрая!» А то / что где-то внутри творилось / это не замечали / и распад нашей семьи был неожиданностью для всей улицы / для всего города. [А308 (Азов). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура». Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2009]

Частица *гым* или *гт* встречается в Устном корпусе 52 раза (на апрель 2018). Рассмотрим примеры использования:

(29) Я/ **гт**/ один раз мне повезло прям/ видать/ это... бабушка говорит/ то ли/ говорит телега на камень наскочила/ где-то прям высыпалось/ я/ **гым**/ с головы в платочек набрала/ **гт** домой пришла. [Рассказ женщины о своих родных // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011]

В данном примере (29) видно, что *гым* используется как маркер ренарратива и имеет свободную позицию в предложении, а *гт* в примере (29) играет ту же роль, что и частица *гым*, но представлена в наибольшей степени редуцирования.

Пример (30) любопытен тем, что первое употребление *гым* является редуцированной формой глагола, а второе – ренарративной частицей, включенной в пересказанную чужую речь:

(30) Он мне **гым** / я **гым** / Дарья / с тобой в сообщество появиться не могу. И про сыночка нашего никому не рассказывай. [Шиллер, Павел Деревянко, муж, 29, 1976] Иди / отправляйся отсюда. Что же здесь за загадки?... [Павел Лунгин и др. Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)]

В примере (31) частица *гым* используется в качестве маркера ренарратива и несёт в себе пояснительную функцию, что видно из контекста:

(31) Искал я какой-то агатовый рисунок/ он в какой-то мере возможно здесь прослеживается/ эти вот звёздчатые какие-то структуры/ летящие или струящиеся/ что-то такое вот птичье ли/ огненное/ мне в своё время кто-то говорил/ у тебя всё одно/ ты/ **гыт** огонь делаешь. [Я выберу путь... (Златоуст). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура». Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2009]

Пример (32) любопытен тем, что говорящий использует частицы *грит* и *горит*, которые выполняют одинаковую функцию маркера ренарратива и являются редуцированными формами глагола *говорить* в третьем лице единственного числа, движущиеся в сторону ренарративной частицы:

(32) Они / **горит** / погибнут / **горит** / ну / воруют. Я / **грит** / всё равно должен их сдавать. Но / **грит** / могу / **грит** / сдать в тюрьму / могу тебе. Вот. И ... [Елена Лихачева, жен] И вы взяли. [Дмитрий Морозов, Елена Лихачева. Интервью в передаче «Они сделали это» // Finam_FM, 2009]

Анализ формы *горит* требует наиболее детального подхода к изучению, так как данное слово в функции ренарратива абсолютно омонимично с формой глагола *гореть* в единственном числе третьего лица, как и форма *горю* в единственном числе первого лица.

Пример (33) показывает, что *горит* используется как маркер ренарратива и маркер начала чужой речи, при этом согласование времен не сохранено:

(33) И он выпил стопочку / пошёл. И вот так / вот так вот [показывает] в море и утонул. Таких много тоже было людей. Просто **горит** / «Пошёл я домой». [Сны о Мологе. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // ТК «Культура», 2007]

Следующий пример (34) подтверждает свободную позицию *горит* в предложении, как у частицы *грит*. В данном случае *горит* встроена в чужую речь и является маркером ренарратива:

(34) Вышел из храма пошёл/ и вдруг какой-то пьяный налетает на него/ с кулаками. «Ах ты **горит** такой негодяй/ сколько ты мне зла сделал. [Архимандрит Амвросий (Юрасов). Ответы на вопросы слушателей радио «Радонеж» в прямом эфире // <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/amvrosiy/>, 2002]

Что касается формы *горю*, она может использоваться как маркер начала чужой или собственной речи, сказанной ранее (пример 35 и первое употребление *горю* в примере 36), так и быть внутри пересказываемой фразы (второе употребление *горю* в примере 36):

- (35) Соловьиное пение у него присутствовало в рассказе / он даже не сказал мне про этот рассказ. «Полтора процента». Я прочитал случайно. Звоню ему / **горю** / «Ну / что ж ты не признался?» [Взлёт (Воронеж). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // ТК «Культура», 2009]
- (36) Я **горю** / «Вы знаете / **горю** / я никогда не была в храме Христа Спасителя / но я всё... всё видела его». [Красота земная. Тутаев. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (Т/к «Культура») // Т/к «Культура», 2009]

В примере (37) можно увидеть, как форма *горят* третьего лица множественного числа используется наряду с *говорят*. При этом и та, и другая форма в данном случае являются маркерами ренарратива:

- (37) И они **горят** / «Гена / нам ничего не нужно. Всё / что / говорят / было нужно / мы / говорят / отдали Родине. А вот / **горят** / то / что осталось... наше богатство это вот медали». [«Пути неисповедимые» (Валаам). Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура». Д/ф из серии "Письма из провинции", 2007]

Подводя итоги этой главы, можно сказать, что частица *грит* и ее варианты (*гит*, *горит*, *грят*, *горят*, *грю* и *горю*) в большинстве случаев не включают в себя эмоционально окрашенный компонент и не обладают явным модальным значением. Из всех рассмотренных случаев, только в примерах (28) и (31) *грят* и *гит*, вероятнее всего, несут модальный компонент. Однако главным показателем этого является все же контекст, а не сама частица. Самой популярной формой частицы является *грит* (298 вхождений в Устном корпусе НКРЯ), однако нужно учитывать, что в некоторых случаях *грит* используется как редуцированная форма глагола. Необходимо также отметить, что найденные примеры дают основания утверждать, что частица *грит* пришла на смену частице *де*, так как используется гораздо чаще в современном русском языке, и, вероятнее всего, *грит* и формы *гит*, *горит*, *грят*, *горят*, *грю*, *горю* будут двигаться в сторону полноправных частиц, выполняя функцию маркера ренарратива.

4.3 *Якобы, как бы*

Этот раздел посвящен частицам *якобы* и *как бы*, которые восходят к сравнительным союзам в составе сложноподчиненного предложения, но выполняют в некоторых контекстах функцию маркера ренарратива. Анализируя материал устного корпуса НКРЯ, мы попытались выяснить, при каких условиях *якобы* и *как бы* могут быть рассмотрены как маркеры такого типа и имеется ли у данных единиц модальные оттенки в современном русском языке.

4.3.1 *Якобы*

Частица *якобы* отличается от частиц *мол*, *де* и *дескать* тем, что содержит в себе интерпретацию фактов, а не интерпретацию текста (Плунгян 2008: 11). При этом, как отмечает В. А. Плунгян (там же), *якобы* является единственным показателем, который выражает эпистимическую оценку говорящего (говорящий не считает соответствующие сведения истинными). Функции данной частицы, по мнению В. Ю. Апресян и А. Д. Шмелева (2017: 4), заключаются в том, чтобы «указать на ложность пропозиции, содержащейся в элементе чужого высказывания, входящего в сферу действия *якобы*, и дать отрицательную оценку поведения тех, кто пытается выдать эту пропозицию за истинную (т.е. субъектов передаваемых высказываний или мнений)». Однако в данной работе В. Ю. Апресян и А. Д. Шмелевой посвященной употреблению *якобы* в параллельных корпусах и современных СМИ, упоминается о семантическом и прагматическом сдвигах частицы *якобы* и указывается, что данная частица вводится в речь, когда говорящий не хочет разделять «ответственность за недоказанные утверждения, которые могут оказаться ложными, но не содержат прямого указания на ложность пропозиции или отрицательной оценки».

В устном подкорпусе НКРЯ нашлось 297 вхождений *якобы*, что говорит о частом употреблении этой частицы. Попробуем разобраться, в каких случаях используется *якобы* в устной речи в современном русском языке.

Примеры (38), (39) и (40) дают ясное представление, что говорящий не считает сообщаемое действительным, поэтому использует *якобы* как показатель недостоверности, который также выполняет функцию маркера ренарратива, так как передает содержание чужих слов, документов и умозаключений:

- (38) Вот/ в частности/ пятницу/ восьмого января на некоторых сайтах с доменами/ с доменными именами/ которые заканчиваются латинскими буквами «юэй» / появились сообщения о **якобы** разбившемся в Китае пассажирском самолёте аэробус триста тридцать—триста/ который по от этой вброшенной информации выполнял рейс по маршруту «Москва—Пекин». Вот эта «новость» сфабрикованная/ она была резво и очень активно подхвачена/ видимо/ опять же заранее подготовленными для этого пользователями/ так называемыми пользователями социальных сетей и широко растиражирована. [Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 14 января 2016 года (2016)]
- (39) Я должен вам задать вопрос / потому что в первой части вы сказали / что я **якобы** говорил / что никакой проблемы антисемитизма в России не существует / я этого не говорил / проблема антисемитизма существует / так же / как проблема российского шовинизма. Существует и то / и другое. [Беседа В. Лукина со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]

(40) И шас всякие такие организации создаются / пчём государственные очень меня так удивляет / вот где говят / **якобы** там тренируют приёмных родителей. Вот я пока вот э... ммм... [Елена Лихачева, жен] Со скептизмом говорят это? [Дмитрий Морозов, муж] ...тренированных не видел. [Дмитрий Морозов, Елена Лихачева. Интервью в передаче «Они сделали это» // Finam_FM, 2009]

Стоит заметить, что в примере (40) *якобы* стоит перед редуцированной формой глагола *говорить* – *говят* и несет себе некоторое сомнение говорящего в действительности пересказываемой информации. Именно *якобы* позволяет собеседнику уловить недоверие повествователя к чужой речи, поэтому он переспрашивает про скептицизм для правильного понимания информации.

Пример (41) ниже интересен тем, что *якобы* используется как маркер неуверенности и стоит перед началом чужой речи. Пересказывая историю, которую он слышал от другого человека, говорящий не решается брать на себя ответственность, что Чехов действительно это спрашивал:

(41) Но его читали совсем не так. Суворин рассказывает такую историю/ что он слышал от Короленко/ как тот предложил ему/ Чехову/ вступить в Союз русских писателей. Говорит/ для вас при вашей известности это очень легко будет сделать. Чехов спросил **якобы**/ зачем это надо? Ну/ как? Ну вот будете/ надо. Ну/ говорит/ хорошо. [Художественная антропология. Программа "Гордон" (НТВ) (2003)]

Пример (42) отчётливо показывает, что с помощью *якобы* говорящий высказывает своё сомнение относительно данного факта:

(42) Она говорит / вот у меня когда / у меня сезон / что называется / в театре / я туда приношу себе одеяло / раскладушку и буквально в перерывах / когда действия / я ложусь спать / потому что бесконечная работа. Ну вот там же выстраиваются эти очереди / и она говорит / **якобы** буквально она говорит / сплю там / пока действие идет / ну естественно / пересмотрев весь репертуар.

В примере (43) мы видим, как говорящий использует *якобы* в середине фразы для акцентирования внимания на то, что эти слова были сказаны другим лицом, а не на сомнение в достоверности высказываемого:

(43) Вы не платите эНДээС токо потому/ что проводите экскурсии? [Ю.Д. Мостославский, муж] Да. Просто экскурсию... данный вид экскурсию... ну мне бухгалтер чё-то объясняла/ что за экскурсионное обслуживание там это не... **якобы**/ не коммерческий момент/ то есть не купля-продажа/ там чё-то такое она мне написала/ ну просто насчёт эНДээС/ это не наш номер третий. Вот допустим/ если сувениры у нас реализуются/

то это считается купля-продажа/ то есть там все налоги как положено.
[Беседа с директором музея // Из коллекции НКРЯ, 2009]

В примере (44) говорящий умышленно акцентирует внимание на частице *якобы*, тем самым отмечает, что высказывание является наполовину ложным, то есть какая-то его часть не является правдой. В этом случае представляется относительно возможным говорить о *якобы* как о маркере ренарратива, только если считать, что повествователь ссылается на информацию, полученную ранее, и пересказывает ее:

(44) То есть было... был период/ когда начали действительно открывать (это правда/ это не выдумки) / начали открывать связь между теми или иными умениями и высшими психическими функциями людей и определёнными отделами в мозгу/ которые **якобы** за это отвечают. «**Якобы**» я говорю/ вот потому что это и правда/ и неправда. [Татьяна Черниговская. Язык и сознание: Что делает нас людьми? Лекция Полит.Ру (2008)]

Хочется отметить, что в материале Устного корпуса НКРЯ чаще всего встречаются высказывания, где частица *якобы* используется как маркер чужой речи с семантическим компонентом недостоверности, как в примерах (38), (39), (40), а также как показатель сомнения говорящего относительно какого-либо факта, как в примерах (41) и (42). Пример (43) доказывает, что при рассмотрении частицы *якобы* нужно говорить не только о сомнении в достоверности сообщаемого в высказывании, но и о нежелании говорящего брать на себя ответственность за пересказываемую информацию. Кроме того, *якобы* может использоваться в тех случаях, когда, по мнению говорящего, лишь часть является неправдой, как в примере (44).

4.3.2 Как бы

При анализе модального компонента *как бы* следует быть предельно осторожным, так как данная составная частица соотносима со сравнительным союзом *как* и частицей *бы*, которая придает этому союзу некоторую условность, предположительность. Однако нам интересно выявить те случаи, в которых частица *как бы* используется со значением модального типа, а именно связана с отношением говорящего к воспроизводимому, собственному или чужому, высказываниям.

В Словаре русских частиц (1999 s.v. Как бы) *как бы* описывается как модальная частица, выражающая неуверенность говорящего в достоверности или возможности сообщаемого.

Н. Д. Арутюнова (1999: 833-846) относит *будто*, *будто бы*, *как будто*, *как бы*, *словно*, *казалось* и др. к модальным словам, которые несут в себе показатель

кажимости. Знаки кажимости маркируют интерпретацию говорящим субъективного восприятия того положения дел, которое обозначается в высказывании. Модальные слова кажимости служат неким сигналом для слушающего, предупреждая, что возможно расхождение между реальной ситуацией и ее обозначением.

Стоит отметить, что в последнее время в устной речи сочетание *как бы* стало употребляться настолько часто, что некоторые исследователи рассматривают его как «слово-паразит», «слово-сорняк», лишние «пустые» слова (см. Разлогова 2003). Однако, Е. Э. Разлогова (2003: 157), сравнивая *как бы* с паразитическими модальными единицами, указывает на то, что иногда подобные сверхчастотные модальные слова всё-таки влияют на истинность высказывания и меняют смысл, то есть присутствие *как бы* позволяет формулировать высказывания, которые без *как бы* воспринимаются как не вполне корректные. По нашему мнению, название «слово-паразит» для подобных единиц является абсолютно некорректным, так как сверхчастотное употребление многих частиц, не только *как бы*, присуще устной спонтанной речи. К их функциям можно отнести: заполнение пауз (*ну, это*), указание на неточность (*как бы, типа, так сказать*) или незавершенность (*и всё такое, как-то так*), поддержание контакта с собеседником (*понимаешь, прикинь*) и др. (см. Левонтина 2004).

Анализируя *как бы* в рамках конструкционного подхода, т.е. рассматривая не семантику отдельных слов, а семантику конструкций, А. А. Летучий (2008: 31) определяет, что в основе *как бы* лежит акцент на неполноте сходства «эталонной» (воображаемой) и реальной ситуаций и выделяет следующие возможные употребления *как бы*:

1. Нежелание брать на себя ответственность. В данном случае 'говорящий хочет сказать, что произошло X, но предпочитает не брать на себя ответственности и сказать, что происшедшее похоже на X'.
2. «Присвоение» наименования. В данном случае *как бы* обычно сочетается с глаголами мнения (*считать, являться, становиться* и др.).
3. Утверждение, затем опровергающееся другим. В данном случае подчеркивается, что определенные условия делают ситуацию непохожей «неэталонной», отличающейся от реальной.

Нам представляется важным рассматривать *как бы* не только как модальную частицу, но и как маркер ренарратива. Рассмотрим те случаи, где *как бы* используется для пересказа своих или чужих слов, содержит в себе модальный компонент, который выражен в неуверенности в своих словах, недоверия к чужим словам и в других способах оценки ситуации со стороны, мнения говорящего и его оценки к высказыванию.

Пример (45) показывает, что *как бы* может стоять и перед пересказываемой речью, и внутри её, маркируя речь другого человека. Мы предполагаем, что *как бы* выражает примерный пересказ чужой речи, и повторное использование *как бы* в данном случае, на наш взгляд, несет в себе пояснительную функцию:

- (45) И она сказала / **как бы**: «Ну / мне не очень понравилась ваша презентация / **как бы** / вы плохо позиционируете свою страну». Мол... ну / и прочее / мол... [Разговор студентов // Из коллекции НКРЯ, 2008]

В примере (46) *как бы* с хезитативной частицей *ну* используется для обозначения начала чужой речи, фраза при этом, скорее всего, передает примерное содержание чужих слов:

- (46) Купила ма... мамина подруга шарф. Он очень широкий / но не такой уж длинный. Она говорит: «Ты мне его разрежь вот так вот и сделай его / короче / узким и длинным». Мама говорит: «Ну **как бы** мне несложно это сделать. Ну просто из таких вот вещей / там больше...» [Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ, 2009]

Пример (47) нам кажется любопытным, так как говорящий использует *как бы* для ввода чужой речи, и, благодаря контексту, можно определить, что *как бы* несет в себе оценочный компонент, который выражен в недоверии к чужим словам (и к другому лицу вообще):

- (47) А ее просто в тарифную сетку не внесли. Просто не внесли. То есть привязали минимальную и сказали / **как бы** минимальная зарплата увеличивается и все. А ничего не привязывается / то есть основная масса народа как бы ничего не получит. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2002]

Можно предположить, что в примере (48) говорящий до этого уже произносил ту же фразу и сейчас ссылается на свои слова в прошлом, употребляя *как бы* в роли маркера ренарратива:

- (48) Ну подумаешь там три полоски белые идут / ну на рукавах там три полоски / ну как бы это ж полосочки / не весь же сам он белый. Или я тебе могу гаповский отдать. Но я тебе говорю / **как бы** тогда тебе придётся с утра переодеваться. [Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008]

Данный пример (49) интересен тем, что в первом случае употребления *как бы* повествователь ссылается на обсуждаемый ранее разговор. Скорее всего, участники разговора до этого момента обсуждали, что *это праздник*, и говорящий,

вспоминая эти слова, воспроизводит их вновь. Второе же употребление *как бы* относится к цитированию такой клишированной фразы *гордость страны*, которая широко используется и у многих на слуху:

(49) Вы знаете / я считаю / что если вот мы уже здесь заговорили **как бы** / что это праздник / ну / типа должен был **как бы** гордость страны / да / вот так мы говорим / да? [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Как видно из примеров (45) – (49), при анализе *как бы* стоит учитывать ситуационные и просодические факторы, при которых *как бы* (как и другие модальные частицы) могут обладать разным грамматическим статусом и разной функциональной и смысловой нагруженностью. Мы не брали в расчет те случаи, в которых *как бы* используется в роли сравнительной частицы (где тоже проявляются модальные отношения между говорящим и ситуацией, другим лицом), а попытались выяснить, может ли *как бы* брать на себя функцию маркера ренарратива. Как показывают наши примеры, при определенном контексте и интонации говорящий может использовать *как бы* для ввода чужих слов, обсуждаемых ранее или гипотетически возможных, а также при помощи данной частицы передавать общий смысл чужой речи (как в примере 47), приблизительный смысл (как в примере 45) и приближенные к первоначальному тексту фрагменты (как в примере 49).

4.4 *Вот, такой, типа*

«Арсенал средств, служащих в русском языке для оформления цитирования или пересказа, гораздо богаче», чем рассмотренные выше частицы *мол*, *дескать* и др. (см., например, Левонтина 2010: 285). В этом разделе мы рассмотрим относительно новые и часто употребляемые некодифицированные маркеры ренарратива в современной разговорной речи *вот*, *типа* и *такой* и попытаемся определить на материале Устного корпуса НКРЯ, при каких обстоятельствах эти слова берут на себя функцию маркера чужой речи и имеют ли модальные значения при определенном контексте.

4.4.1 *Вот*

В. И. Подлесская и А. А. Кибрик (2009: 392) рассматривают специфическое употребление *вот* как средство передачи угрозы и осуждения в чужой речи и отмечают, что «маркер *вот*, подобно более нейтральным маркерам чужой речи типа

мол, может служить средством перевода прямой речи в несобственно-прямую». Как пишет И. Б. Левонтина (2010: 286), а также по нашим собственным наблюдениям, *вот* используется в устной речи очень часто и при реализации значения маркера чужой речи сопровождается особым просодическим контуром, но не обязательно передает только угрозу.

В примере (50) *вот* является показателем начала чужой речи (точнее – собственной речи, сказанной в прошлом) и, как видно из контекста, нагружен оценочным компонентом, который проявляется в неодобрительной оценке:

(50) Как Галкина? [Ника, жен] Вот только что ей звонила. Сказала ей/ пристыдила её/ говорю/ "**Вот** Галкина пропала/ совсем обнаглела. Так поржала". Она говорит/ "Я так и знала/ что ты мне ради этого звонишь/ [со смехом] чтоб меня типа охамить". Вот. [Телефонный разговор подруг // Из коллекции НКРЯ, 2015]

В примере (51) все три употребления *вот* включены в прямую речь, но только первое *вот* можно рассматривать как маркер ренаратива, так как при её помощи говорящий вводит чужую речь и вся фраза, по-видимому, интонируется особым образом, отображая недоверие к словам другого человека. Однако об эмоциональном компоненте утверждать неуместно, так как чужая речь представлена в письменной форме без особой метаразметки. Вторая и третья *вот* используются как указательная частица:

(51) Например/ когда вы говорите/ «**Вот** я видел цензуру. Когда вот с красной ручкой подчёркивают? Это цензура/ а когда вот на на айпаде? это уже не цензура». [Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему: «Замалчивание важных событий — цензура или выбор редактора?» (2016)]

В следующем примере (52) частица *вот* придает всей пересказываемой фразе особый тон, усиливая значение следующих слов и подчеркивает эмоциональную сторону речи:

(52) Ну/ плюс стереотипы/ традиции тоже/ конечно/ играют роль/ чисто психологически просто. Сказать/ что **вот** «Я мужчина/ я буду сидеть в декрете» / это/ конечно/ в [нрзбр] степени мужественный поступок до сих пор. [Ирина Тартаковская, Екатерина Дементьева. Как меняются гендерные роли // <http://www.inliberty.ru/projects/62-YA-mogu-govorit>, 2016]

Надо отметить, что *вот* может встраиваться как в конструкции с косвенной (пример 53), так и с прямой речью (пример 54):

- (53) Нет/ безусловно нет. На мой взгляд (я филолог по образованию/ не лингвист/ а именно филолог) ... Вот беда в том/ что... не в том/ что в школе не изучают лингвистику. Андрей Анатольевич/ вы же сами сказали/ **вот** изучают деление слова на морфемы/ да? А потом люди спокойно оперируют непонятно с чем. [Борис Долгин, муж] Короче. [Елена Медведева, жен] Да/ короче. [Андрей Зализняк. Что такое любительская лингвистика? Лекции Полит.ру (2010)]
- (54) У Сашки/ сдавал он квартиру женщине с двумя сыновьями. [Миша, муж] А/ да/ да/ конечно. [Александра Григорьевна, жен] Так он мне/ он мне сказал так/ "Я её выживал/ чтобы каждый месяц прошёл/ чтоб она больше мне платила всё". Я/ "Саша/ это не нужно было делать"- "**Вот** я должен одевать брюки/ ходить не в трусах". [Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ, 2008]

Как видно из примеров, *вот* чаще всего занимает начальную позицию по отношению к чужой речи, может встраиваться в конструкции как с прямой (54), так и косвенной речи (53), а также можно предположить, доверяя нашей языковой интуиции, что *вот* включает в себя модальное отношение говорящего к чужим словам (как в примере 51). Для более подробного изучения модального компонента в частице *вот* требуется рассмотрение интонации, так как, выполняя функцию ренарратива, данная частица скорее всего сопровождается особой интонацией и, возможно, мимикой. Таким образом, говорящий использует *вот* в начале пересказа чужой речи, как бы пародируя другого человека.

4.4.2 *Такой, такая, такие*

В ситуации пересказа конструкция типа *кто-то такой говорит* часто употребляется в современной устной речи и иногда сокращается до местоимения *такой*, который может употребляться как маркер ренарратива. Хочется попутно отметить, что конструкция типа *личное местоимение/существительное* в позиции подлежащего + *такой* + *глагольное сказуемое* в настоящем времени очень популярна в устной речи и заслуживает отдельного рассмотрения. В устном корпусе НКРЯ находится 154 вхождения по заданному запросу:

- (55) Ну всё / короче / у нас там ректор выступает / **мы такие сидим** / слушаем [нрзб]. [Рассказ о конференции // Из коллекции НКРЯ, 2006]
- (56) **Я такая думаю:** «Спасибо». Ну вот. Заходит / да / мальчик / **он такой смотрит** – мы там чокаемся. [Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ, 2009]
- (57) **Руслан такой говорит:** «Эх / хорошие были времена / мол». [Вика, жен, 22] Да / щас он женат и фиг его знает где. [Таня, жен, 21] А я опять забыла где он. Страну забыла. [Разговор студентки с приятельницей // Из коллекции НКРЯ, 2008]

В данной работе нас интересуют те случаи, когда местоимение *такой* выполняет функцию маркера ренарратива. Стоит заметить, что чаще всего *такой* в роли маркера ренарратива ставится перед началом чужой речи, являясь одновременно маркером старта пересказываемой речи:

- (58) Первый вопрос он **такой**/ вам вообще нравится вот эта трансформация/ которая с вами произошла/ и та история/ которая с вами произошла? Вышла книжка «Я плохая мать». [«Декабрьские диалоги» на Медузе, которые проводит «Открытая библиотека». Дискуссия журналистов Романа Супера и Екатерины Кронгауз. 19 декабря 2015 (2015)]
- (59) И даже ну типа сказали/ что вот/ если хотите типа/ наш курьер бесплатно всё заберёт. Я **такая**/ "Ну давайте". [Разговор подруг по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]

В примерах (58) и (59) *такой* используется скорее не для передачи эмоционального оттенка высказывания, а для нейтрального пересказа чужой речи, что приближает *такой* к маркерам ренарратива типа *grit*. Под чужой речью подразумевается и своя собственная, сказанная ранее, как в примере (59).

Как видно из следующего примера (60), при помощи *такой* говорящий пересказывает диалог, который происходил в прошлом, используя *такой* как для передачи чужой речи, так и для своей собственной. Важно отметить, что в этом случае при пересказе допускается использование прямой речи. Это дает основание предполагать, что, в отличие от частиц типа *мол*, которые передают смысл чужих слов (Плунгян 2008), *такой* сохраняет содержание и форму чужой речи и не указывает на то или иное отличие воспроизводимого текста от первоначального:

- (60) Ну я... я... я и предложила ему/ **такая** типа/ "Я приезжаю там в семь часов на Водный стадион". Он **такой**... а/ ну я говорю/ "Хотите/ можете меня где-то в метро встретить". Он **такой**/ "Ну давайте где-нибудь в центре пересечёмся?" Я **такая**/ "Ну давайте/ хорошо". [Разговор студентов по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]

В примере (61) *такой* встречается несколько раз. Первое употребление *такой* стоит перед *блатной* и является указательным местоимением, которое усиливает значение качества описываемого человека. Второе употребление *такой* стоит после *блатной* и является маркером начала чужой речи, предположительно, сопровождается определенной интонацией, в некоторой степени пародийного характера, поэтому *такой* выполняет функцию не только маркера ренарратива, но и помогает слушающему представить описываемое лицо. Третье и четвертое *такой* тоже являются маркерами ренарратива и передают примерное содержание

пересказываемой речи. Исходя из контекста, понятно, что с помощью *такой* говорящий выражает своё пренебрежительное отношение к тому человеку, слова которого он пересказывает, указывая что ему было «глубоко безразлично на этого человека»:

(61) Ну вот / значит ээ ё-ё-ё / а! Я пришла в одну фирму / а там мужик был такой блатной **такой**.. ой-ой-ой / там типа / там платили больше за час в два раза / чем обычно / тогда было сто рублей в час. Но это было давно / года четыре-пять-шесть назад / ну и вот / он **такой** / ой-ой / у нас тут фирма / мы тут типа платим / там / за... чтобы было качество хорошее. Кто знает / когда выпиваешь лекарства от аллергии / хочется спать и как-то глубоко в принципе по фигу скока там зарплата / как и что / и (..) он **такой** садитесь / ну у меня там трали-вали мало времени и мне было так смешно на него смотреть / как будто со стороны / потому что его вот эти все озабоченность мм... высоким качеством там и... вообще. Как обычно людей волнует / возьмут их или не возьмут на работу / то мне было глубоко безразлично на этого человека. [Лидя. Как я искала себе третью работу!!! // Проект «Podutro» на «Маяке», <http://podutro.3gtube.ru/12798304198.mp3>, 2010]

Опираясь на работу В. И. Подлесской (2017) о прямой и косвенной речи по данным корпуса с просодической разметкой, можно говорить о неканоническом случае реализации цитационных конструкций (в примере 61), так как цитация с прямым дейксисом интегрируется с авторской речью в единую иллокуцию. Как мы видим, во втором случае после *такой* следует *ой-ой-ой там типа*, что является авторской ремаркой в виде аппроксиматора или имитатива, который однозначно не мог принадлежать исходному цитируемому фрагменту. Мы можем предположить, что описываемый человек не произносил слов *ой-ой-ой там типа*, но повествователь употребляет данные слова для передачи некоторой исходной эмоциональной установки. Далее говорящий прерывается на объяснение о зарплате и после продолжает пересказывать ситуацию, используя отредактированный смысл высказывания: *он такой ой-ой у нас тут фирма*. Во втором и в третьем случаях *такой* используется для передачи эмоционального оттенка высказывания, тем самым характеризует цитируемого человека и отношение говорящего к словам чужого, а также служит маркером начала пересказа смысла чужих слов, однако в четвертом случае *он такой садитесь – такой* используется как обычный маркер чужой речи.

Следующий пример (62) любопытен тем, что в данном случае *такие* употребляется внутри пересказа чужих слов, а не в позиции маркера начала пересказа, хотя явно служит для передачи чужой речи. В данном примере стоит

также отметить, возможность содержания компонента сомнения в достоверности пересказываемой речи: местоимение *такие* здесь по смыслу схоже с оценочным *якобы*:

- (62) Вот этот класс/ который всем объяснили/ что вы дураки/ вам учиться надо—пришла к ним Ира/ они перед ней как зайчики сидели и говорили/ "Да/ да". [Ира, жен] А потому что они... [И1, жен] "Мы **такие**/ да/ да/ ну мы будем/ мы будем". [Ира, жен] Ну я не знаю/ может/ это отношение самих учеников. [Обсуждение итогов педагогической практики студентов // Из коллекции НКРЯ, 2009]

В примере (63) *такой* служит маркером старта чужих слов. Говорящий использует после *такой* прямую речь, однако контекст указывает, что слова могут содержать в себе примерную передачу чужой речи:

- (63) Ну Рождество/ значит/ они чё-то там сидят/ ля-ля/ ля-ля/ ну он **такой**/ "Слушай/ а выходи за меня замуж!" [Руслан, муж] М! Класс! [Анна, жен] Ну вот/ ээ как бы боюсь соврать/ но примерно это вот так прозвучало. [Разговор на улице // Из коллекции НКРЯ, 2009]

В материалах устного корпуса встречаются и редуцированные формы *такой*. Стоит отметить, что в примере (64) первое и второе употребления редуцированной формы *ткая* следует рассматривать как указательные местоимения в эвиденциальной функции, помогающие повествователю описать ситуацию, а третье и четвертое *ткая*, по нашему мнению, выполняют функцию собственно маркера ренарратива:

- (64) Она ткая / и я так стою / она ткая / смотрит на меня **ткая** / «Привет!» она **ткая** [показывает] [Ирина Исаченкова, жен, 19] Да ладно / ты с ней поздоровалась / а она / нет? [Оксана Чумичева, жен, 20] Да. [Разговор девушек на улице // Из коллекции НКРЯ, 2008]

Данный пример любопытен также тем, что местоимение *такой* (в редуцированном варианте *ткая*) в роли маркера ренарратива передает не только чужие слова, но и невербальное поведение другого лица. Так, в случае пересказа данной ситуации из контекста понятно, что один из участников пересказываемого диалога поздоровался, а второй проигнорировал приветствие. Для обозначения невербального средства общения используется тот же маркер ренарратива *ткая*.

Помимо *ткая*, существует и редуцированная форма *тка*:

- (65) Она **ткая** / «Нее / ну мы / конечно / с Котиком тоже веселимся / но чтобы тааак!» Звонит ему **тка** / «Котик / ты знаешь / я тут ... [Разговор в кафе // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Интересно будет заметить, что редуцированные формы *такой* в устном корпусе встречаются только в женском роде в единственном числе *тка* и *тка*, а примеры с искаженной формой в мужском роде и во множественном числе полностью отсутствуют. Можно предположить, что данный факт связан лишь с неточной передачей устных данных в письменном виде, так как возможные формы *ткой* и *ткие* вполне допустимы в устной речи и не кажутся аномальными.

Пример (66) показывает, что местоимение *такой* (в данном случае *такие*) может не только нести в себе функцию маркера ренарратива, а также, при поддержке определенного контекста, указывать на оценочное значение пересказываемой речи. Слова авторов чужой речи представляются нам в саркастическом, язвительно-насмешливом свете:

(66) Там ребята были / я им говорю / типа / подождите меня / а они **такие** "ха- ха- ха / зачем каблуки одевала?" [№ 1, жен, 16] № 1. Я тоже сейчас прибегаю / они **такие** "зачем каблуки одела?" Я думаю "как вам объяснить?" [Разговор при выходе из дома, Москва // практиканты, 2005]

Обобщая анализируемые в этом разделе примеры, представляется возможным сделать следующий вывод об оценочном модальном значении местоимения *такой*, используемого в качестве маркера ренарратива: в определенных условиях, при определенном контекстуальном окружении *такой* может содержать в себе эмоциональный оттенок (примеры 61 и 62), указывать на характерные качества чужой речи (пример 61) или отношение цитируемого лица к говорящему (пример 66), а также служит маркером выражения невербального поведения (пример 64). Следует также отметить, что в большинстве случаев *такой* ставится в начало пересказываемой речи (является маркером старта) и требует после себя использование прямой речи, однако точность передачи оригинального текста не всегда соблюдается, может передаваться лишь общий смысл или определенный «вырванный» из речи фрагмент, который является наиболее значимым для говорящего.

4.4.3 *Tuna*

В последнее время слово *tuna* (в письменной фиксации встречается вариант *типо* и даже *тинпо*) становится очень популярным в устной речи. Как отмечает Н. В. Богданова-Бегларян (2014: 253), оно употребляется обычными носителями языка, «отнюдь не связанных с криминалом», в частности в речи молодёжи. В. И. Подлесская (2013: 633) относит *tuna* к классу маркеров-аппроксиматоров, которые «синтаксически обычно несамостоятельны, рекрутируются из неизме-

няемых слов или эволюционируют в неизменяемое слово». Сравнивания русское *типа* с английским *like*, В. И. Подлесская (2013: 635) отмечает, что функцией подобных слов является «аппроксимативное введение чужой речи – в качестве сигнала о том, что говорящий не несет полной ответственности за точность и возможные интерпретации цитируемого или просто считает часть информации контекстно избыточной».

Пример (67), рассмотренный в предыдущем разделе под номером (60), интересен тем, что *типа* выполняет функцию ренарратива, и цитирование своих слов в прошлом выражено в форме прямой речи:

(67) Там ребята были / я им говорю / **типа** / подождите меня / а они такие "ха- ха- ха / зачем каблуки одевала?" [№ 1, жен, 16] № 1. Я тоже сейчас прибегаю / они такие "зачем каблуки одела?" Я думаю "как вам объяснить?" [Разговор при выходе из дома, Москва // практиканты, 2005]

В примере (68) можно заметить отклонение от канонов прямой и косвенной речи при цитировании чужой речи. Так, повествователь изначально строит конструкцию *разговоры про*, где предполагает использование существительного в винительном падеже, но в середине предложения он решает поменять нарративную цепочку, интегрируя в неё прямую речь, которая начинается с маркера ренарратива *типа*:

(68) И как-то по-другому/ да/ я помню вечные такие разговоры про/ «**Типа** куда она лезет/ зачем вообще ей это? Да. Почему/ почему вообще так?» Так не должно быть. [Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью» (2016)]

Пример (69) тоже наглядно показывает, как *типа* указывает на начало чужой речи, встроенной в речь говорящего. В данном случае при помощи *типа* говорящий передает гипотетические чужие слова, которые соседи могли бы сказать, но не говорят:

(69) Да/ у них куча своих дел/ и вообще как бы это не так/ знаешь/ как друзья там соседи/ да/ в соседних домах. Да? Блин/ вышел там просто **типа** "пошли в магазин сходим" или ещё чё-нибудь/ да/ **типа** или "приходи на чай". Ни фиги/ такого нет. [Разговор подруг по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]

Пример (70) интересен тем, что здесь можно увидеть, насколько свободная позиция у *типа* в предложении при пересказе информации. О функциональном значении первого употребления *типа* невозможно с точностью говорить: здесь *типа* может либо выполнять функцию пояснительного союза (например, *то*

есть), либо входить в состав сравнительной конструкции *якобы сжалился типа*, или употребляться в роли маркера приблизительности пересказываемой речи. Вторая и третья частицы *типа* встроены в прямую речь и, предположительно, напоминают слушающему о том, что это речь другого человека. В данном случае контекст не позволяет однозначно определить функции *типа*, так как во втором случае *типа* может быть употреблена и как частица, выражающая условность высказывания (например, *как будто бы*), а в третьем случае – как изъяснительный союз, присоединяющий придаточную часть сложноподчиненного предложения. Помимо этого, пример (70) наглядно показывает допустимое в устной речи смешение прямой и несобственно-прямой речи в одной фразе. Так, после прямой речи говорящий сам объясняет за что нужно было заплатить деньги, речь при этом ведется от лица автора, поэтому личное местоимение *мой* не меняется на притяжательное, а после вводится несобственно-прямая речь с добавлением эмоциональной окраски. Заметим, что, исходя из контекста, в предложении *Ой типа тут нужен контроллер* употребление *типа* является маркером ренарратива и несет в себе оценочный компонент, который выражен в недоверии речи цитируемого лица:

(70) Он якобы сжалился/ типа сказал/ "Ну я могу **типа** не оформлять вам эту бумажку/ **типа** вы заплатите токо за осмотр пятьсот пийсят рублей". За то/ что этот/ короче/ мастер посмотрел на мой телефон и сказал/ "Ой/ **типа** тут нужен контроллер". Хотя на самом деле они собирались поставить китайскую деталь/ и для китайского вот стекла/ как раз для него/ нужен контроллер. Это чушь вообще полная. [Разговор подруг по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]

Следующий пример (71) интересен тем, до какой степени можно «сжать» передаваемую речь. При помощи *типа ну вот так и так типа перевод* повествователь передает только ту информацию, которая важна ему для цитирования фрагмента, остальные же чужие слова кажутся ему избыточными. В данном случае, по мнению говорящего, наиболее ценная информация содержится в слове *перевод*, а остальную речь другого человека пересказывающий заменяет на маркер ренарратива *типа*, обозначая, что с этого момента начинается пересказываемая речь, на аппроксиматоры *ну вот, так и так* – в качестве сигнала, о том, что в речи содержались и другие слова, но эта часть информации не является важной, и потом он употребляет еще раз *типа* для напоминания, что это слова другого человека:

(71) Прикинь? Вот/ пишет мне **типа** ну вот так и так/ **типа** перевод/ я говорю/ "Ну деньги сначала/ да/ там все дела". Вот. Он такой/ "Щас чек пришло". [Разговор сестер по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]

В примере (72) *типа* является маркером ренарратива, хотя и внедрен в прямую речь чужой речи. Однако мы с уверенностью можем сказать, что в первоначальном варианте *типа* не мог принадлежать цитируемому лицу:

- (72) В кость/ получается/ она те попадала. [Миша, муж] Да. Она вот... Он приходит/ она говорит/ "Я **типа** не могу попасть". [Жанна, жен] [Телефонный разговор о медицинских процедурах // Из коллекции НКРЯ, 2015]

В примере (73) мы можем заметить, что говорящий делает попытку воспроизвести цитируемую фразу приближенно к оригинальному тексту, используя изъяснительный подчинительный союз *что*, однако в ходе разговора вводит *типа* в качестве сигнала о том, что он не несёт полной ответственности за точность цитируемого фрагмента:

- (73) Ну там просто была такая фраза / что / **типа** / что дружба женская не такая / мужская – такая / что они не изм... ну не подведут. [Разговор студентки с приятельницей // Из коллекции НКРЯ, 2008]

Итак, найденные примеры дают основания говорить, что *типа* может являться маркером ренарратива, который несёт в себе компонент приблизительности передаваемой чужой речи, как в примерах (68) и (70), а также при определенном контексте может отображать модальное отношение, как в примере (70). Кроме того, *типа* может указывать на то, что повествователь пересказывает только ту часть информации, которая, по его мнению, является наиболее важной (пример 71). В предложении *типа* занимает свободную позицию, как и частицы типа *мол*, и встраиваться в конструкции с прямой и косвенной речью.

4.4.3.1 *Tuna того*

Отдельного внимания заслуживает единица *типа того*, которая часто встречается в повседневной речи. Она способна вводить в повествование чужую речь, т.е. берет на себя функцию маркера ренарратива. Рассмотрим следующие примеры:

- (74) Последнее письмо ее было очень недовольное. **Типа того**/ давайте гайзы/ come on/ пишите в Москву. С А.А. поговорила. Она говорит/ fuck вообще/ я не собираюсь ничего делать. А я что? [Разговор о переводчиках // Из материалов Саратовского университета, 2000-2005]
- (75) Значит / он хотел оставить след свой в истории / он его и оставил такой вот. [№ 0] Но какие уроки из его правления мы можем извлечь? [№ 5, муж, 41] Я думаю / Сталин по большому счету не имел своего личного мнения. Он **типа того** / а что нам скажет товарищ Жуков / потом другой

товарищ. Потом собирал все это воедино / все отсеивал и выдавал что-то нечто несурзное свое. Своего мнения почти никогда не было. Было конечно / когда он прислушивался к чьему-то мнению / но опять же которое шло вразрез со мнением / например / того же народа / большинства. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

- (76) И мне сказали в ЖКО / что нужно идти в паспортный отдел милиции. А сегодня у них выходной. Я хотела сегодня пойти... [М.А., жен, 36] Нет / но поменять паспорт не проблема... [Г, жен, 21] Вот именно / что проблема / потому что бланков выделено только конкретное число / на школьников. [М.А., жен, 36] А / вот в чем дело! [Г, жен, 21] **Типа того** / идите просите / как там решат. [Разговор журналистов // Из материалов Саратовского университета, 1999-2002]

Как мы можем увидеть, в примерах (74) – (76) перед началом чужой речи отсутствует глагол вообще и при помощи *типа того* говорящий указывает, что с этого места начинаются чужие слова. Важно отметить, что конструкция *типа того* не допускает после себя использование косвенной речи, несмотря на то, что пересказ чужого высказывания в прямой речи несет в себе примерное содержание.

В примере (77) *типа того* используется в непосредственной близости с хезитативной частицей *ну*, а в примере (78) употребляется в комбинации с рассмотренными ранее маркерами ренарратива *вот* и *мол*. Такая тенденция к удлинению подобных конструкций при помощи прибавления компонентов *ну* / *мол* / *вот* и др., даёт время говорящему обдумать следующую реплику и подобрать соответствующие слова:

- (77) Я пришла короче в офис/ Шамяля нету/ Шамяль ушел/ Я говорю/ куда Шамяль ушел/ Не знаю/ А/ приколы знаете в чем был/ Самый основной/ [Ю.К., жен] Че? [Ю.Л., жен] Я говорю/ ну когда собрание будет/ Она говорит ну типа того/ Шамяль сказал что вообще в январе/ Я говорю/ а че еще не до лета? Она говорит/ а вот/ [В., жен] [Беседа о еде // Из материалов Саратовского университета, 1990-1999]
- (78) Он так её взял / она так вот смотрит / потом вдруг / этот самый / она говорит ему / дура / сама же нарвалась на грубость / вот / **типа того** / мол / народ обижается в лаборатории / что вы / что это / не собирают сведения желающих. [Дочь, жен, 20] Кто хочет стать радистом этим? [Мать, жен, 54] Да-да. А он говорит / «Я / говорит / пока начальник / он говорит / кого считаю нужным / кто как работает / того и выдвигаю...» [Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006]

Пример (79) привлекает внимание тем, что *типа того* употребляется здесь как маркер ренарратива и стоит в конце чужой речи, выполняя функцию финального маркера. Это подтверждает свободную позицию данной единицы:

- (79) А сопротивления не было никакого. Да / говорили / что войну закончат там в течение 30 суток [№ 8, жен, 26] Четырех дней. [№ 2, муж, 44] Нет / говорили / что 30 суток / и что снесут с лица земли Ирак / **типа того**. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Стоит отметить, что более полная единица *типа того что*, которая тоже часто встречается в устной речи, может выступать как в роли маркера ренарратива, так и в роли составного союза. Важно понимать, что данная единица может выполнять разные функции и нести разные значения, которые плохо дифференцируются, особенно при анализе устных данных в письменном виде. Попробуем разобраться на следующих примерах:

- (80) Ну я буду скрыто снимать / на память // [Преподаватель, муж] Потому что они... она скажет **типа того что** / пришел отметить // сами знаете женщин // [Информант, муж] [Разговор в учебной части // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А.С.Асиновского, 2007]
- (81) Вот ну я такая тын-ты-тыдын короче говоря / промазала и вообще не туда поехала // он такой я же сказал / надо головой во все стороны крутить чтобы шея / что... чтобы шея сломалась / **типа того что** не надо бояться // Ладно давай возвращайся обратно / ну я вернулась [Праздные разговоры // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А.С.Асиновского, 2007]

В примере (80) мы не можем с уверенностью говорить о *типа того что* как о маркере ренарратива, так как контекст не позволяет определить, встроены ли чужие слова в косвенную речь (в таком случае *типа того что* является составным пояснительным союзом), либо включены в несобственно-прямую речь. Наиболее важно отметить, что и тот, и другой вариант интерпретации данного примера, по нашему мнению, не является аномальным и совершенно адекватно воспринимается носителем языка. В примере (81) говорящий пересказывает речь другого человека и с помощью *типа того что* напоминает слушателю, что это чужие слова, а также с помощью этой единицы поясняет примерный смысл чужой речи, как можно предположить, фразы *не надо бояться* не звучало в оригинальном тексте.

Анализируя данную единицу на материалах корпуса «Один речевой день», Н. В. Богданова-Бегларян (2014: 254), приводит следующие примеры⁹, доказывающие функцию ренарративности у *типа того что*:

- (82) Ну вот // и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // **типа того что** блин / давайте общаться!
- (83) И тут з... звонок в дверь / и Вальдемар заходит / **типа того что** кто такая?
- (84) Старая дева такая / ну ну да // все вместе позаботимся // и тут же этот вот этот бухгалтер там / ну **типа того что** блин / (...) и рожать будешь / в Испании ! а отдыхать будем / на Канарах блин!

В материалах устного подкорпуса НКРЯ чаще всего встречаются примеры с *типа того что*, где данная единица функционирует как составной пояснительный союз.

Стоит попутно отметить, что в ходе проделанной работы встретился один случай, где конструкция *что-то типа* выполняет функцию ренарратива и передает примерный смысл пересказываемой речи:

- (85) Так как мне она ничего не говорила / и когда пришёл / было банальное привет. [№ 2, муж] По аське / дословно не помню... **Что-то типа** / «Привет / как делишки?» Рассказала / что опять Мир и Мера лихорадит [Разговор о компьютерной игре // Из коллекции НКРЯ, 2006]

Подводя итоги этого раздела, заметим, что *типа* является очень частотным словом в лексиконе современного носителя языка. Как отмечает Н. В. Богданова-Бегларян (2014: 254), опираясь на проведённый анализ данных корпуса «Один речевой день», только 18% из всех употреблений слова *типа* могут быть отнесены к имени существительному, остальные же носят незначительных характер и лежат за рамками кодифицированного языка. Данный факт еще раз подчеркивает необходимость описания данной единицы в современных грамматиках русского языка.

---

⁹ Примеры взяты из работы Н. В. Богдановой-Бегларян «Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания» и приведены в таком же формате, как в данной статье (Богданова-Бегларян 2014).

4.5 Комбинации маркеров ренарратива

При анализе найденных нами примеров было выявлено, что в устной речи различные маркеры ренарратива иногда могут употребляться в непосредственной близости друг от друга, при этом высказывание не воспринимается как перегруженное ни говорящим, ни слушателем. Попробуем представить возможные варианты комбинаций рассмотренных маркеров ренарратива и приведем примеры. Так как в данном списке важно учитывать не только близкое расположение маркеров ренарратива, но и их порядок, при поиске примеров в устном подкорпусе НКРЯ был введен параметр для определения структуры сочетания слов (расстояние между словами не должно превышать трёх):

- *Мол дескать*
(86) Тамара написала ему/ шо } не надо/ **мол дескать**/ забирать Катю/ пусть она тут остаётся. [Рассказ об истории семьи и жизни в Казахстане // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011]
- *Мол вот*
(87) А и да / и как бы сначала эт самое / он / **мол** / **вот** тумбочка тра-та-та / а что вы / типа / не можете так пользоваться / она / типа / у вас выпирала. [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]
(88) Но вот он / и с таким тоном / что **мол вот** "ну / не получается у меня". [Беседа в гостях // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 2000-2003]
- *Мол вот дескать*
(89) Ну / правитель может быть для нас для бедных людей может / скажет / что **мол вот дескать** мы за что-то боремся / возможно. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003]
- *Дескать и мол*
(90) И эта женщина стала мою сестру старшую преследовать / что / **дескать** / "Ах / она / **мол** / от меня отбивает". [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998]
- *Дескать вот*
(91) Такая вот, такая клишированная мысль и фраза соответствующая: ну, **дескать, вот** блин, а в каком, однако ж, мы красивом городе живем. [Беседа о прогулках по Петербургу // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2001]
- *Якобы вот*
(92) Поэтому/ восточные религии/ сказано что/ ну всю Россию заполонили весь мир/ **якобы/ вот** души переходят/ из одного человека/ он умирает в другого/ в третьего четвертого. [Архимандрит Амвросий (Юрасов). Ответы на вопросы слушателей радио «Радонеж» в прямом эфире // <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/amvrosiy/>, 2002]
- *Вот мол*

- (93) Потом поклониться хану/ сказать/ что **вот/ мол/** хан/ так мол и так вот/ умер мой отец. [Николай Борисов. Возвышение Москвы в 14-15 веках. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)]
- (94) И психологам говорю/ **вот/ мол/** такая страшная история/ что же делать? [Татьяна Черниговская. Как мы мыслим. Разноязычие и кибернетика мозга. Лекции Полит.ру (2009)]
- *Вот дескать*
 (95) И свернули / повернули в обратную сторону / и **вот / дескать /** с тех пор эта местность называется Чарус / и Черусть / как вот мы щас говорим. [Радиопутешествие по городам и районам Подмосковья: Шатурский район // РТВ «Подмосковье», 2006]
  - *(Да) вот типа*
 (96) Прихожу/ а меня не пускают. Чё/ как? А ты здесь не учишься. Я/ "Чё за фигня?" - "Да **вот/ типа** у тебя там проблемы/ ты не учишься/ всё/ теа отчислили". [Разговор студентов о домашних животных // Из коллекции НКРЯ, 2009]
  - *(Ну) вот типа*
 (97) Я говорю: «Ну **вот / типа** ты щас меня оскорбил / или что-то вроде этого...» [Рассказ 12-летней девочки о субкультуре эмо // Из коллекции НКРЯ, 2008]
  - *Вот типа*
 (98) Мне позвонила эта девушка и скаала/ "**Вот типа** вы делали заказ". [Телефонный разговор студентов // Из коллекции НКРЯ, 2008]
  - *Вот типа того мол*
 (99) Она говорит ему / дура / сама же нарвалась на грубость / **вот / типа того / мол /** народ обижается в лаборатории. [Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006]
  - *Типа мол*
 (100) Она грит / «Тань / грит / ну вещи / **типа мол /** сюда». [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]
  - *Типа вот типа*
 (101) Короче/ он мне пишет/ **типа/ "Вот/ типа/** в этом случае ты мне должна диск возместить". [Разговор подруг // Из коллекции НКРЯ, 2009]
  - *Такой гт (говорит – грит - гт)*
 (102) Просыпается **такой/ гт/** смотрит на эти картинки/ вообще не понимает/ ну на мэйджики/ говорит/ "Куда я попал тоже?" [Телефонный разговор студентов // Из коллекции НКРЯ, 2009]
  - *Такой говорю*
 (103) Пошёл / говорю / Надь / ой / Оль / **такой говорю /** смотри / мужика убили / ё-моё. [Разговор об убийстве // Из коллекции НКРЯ, 2008]
  - *Такой вот*
 (104) Он **такой / вот...** «Блин / говорит / ну надо». [Разговор студенток в кафе // Из коллекции НКРЯ, 2007]
  - *Такой (ну) вот*
 (105) Они **такие / «Вот /** девушка / вы... краситесь?» [Разговор на улице // Из коллекции НКРЯ, 2006]

(106) Он **такой** / «**Ну вот** зиму переждать». [Разговор студенток в кафе // Из коллекции НКРЯ, 2007]

- *Такой типа*

(107) Он **такой** / **типа** / «Она дома / все в порядке». [Разговоры на работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Заметим, что это лишь неполный список комбинаций маркеров ренарратива, основанный только на примерах устного корпуса НКРЯ. Однако по найденным вариантам представляется возможным сделать несколько выводов об использовании подобных единиц.

Для начала, стоит упомянуть утверждение А. Н. Баранова (1994: 115), который первый упомянул о невозможном использовании комбинации *мол дескать* в данной последовательности: «такие случаи если и не запрещены полностью, то вызывает явное ощущение стилистической аномалии». Но, как мы видим в примерах (11) и (86), последовательность *мол дескать* используется в устной современной речи, в отличие от *дескать мол*¹⁰, которая вообще не представлена в устном корпусе с 1990 года. Однако использование *дескать* и *мол* в одном высказывании, в непосредственной близости друг от друга возможно, в подтверждение этому пример (90).

Подобные комбинации способны встраиваться как в высказывания с прямой речью (примеры 103–107), так и с косвенной (примеры 86, 91, 102), могут обозначать место начала чужого высказывания (пример 93) и находиться в середине чужой речи (пример 99).

Любопытную гипотезу мы находим у М. В. Копотева (2014: 723): «исторически более новый маркер усиливает старый, стершийся, используя тавтологию». Примерами таких комбинаций служат частицы *мол-де* и *де-сказать*. Анализируя наши примеры, можно выделить тенденцию присоединения новых маркеров ренарратива *типа* и *вот* к устаревающим *мол* и *дескать* (см. примеры 87, 88, 89, 91, 93, 94, 95).

---

¹⁰ Отметим, что в основном корпусе НКРЯ находятся всего два случая употребления *дескать мол*. К. И. Чуковский в произведении «Высокое чувство» 1968 года использует *дескать* и *мол*, предположительно, при перечислении отдельных русских простонародных слов, которые странно звучат из уст иностранцев: «Невозможно, чтобы итальянские карабинеры или британские лорды говорили: *тятенька, куфарка, вот так фунт, дескать, мол, ужас, инда, ась...*». Второй случай употребления *дескать мол* встречается в пьесе «Холостяк» 1894 года. И. С. Тургенев использует данные слова для ввода чужой речи: «*Даже дворника расспрашивать изволили-с... Дескать, мол, не знаешь ли, братец, куда Петр Ильич уехал?*». Это еще раз доказывает, что подобное сочетание не используется ни в устной, ни в письменной речи. Последнее зафиксированное употребление *дескать мол* можно датировать 1849 годом.

Если же говорить о порядке следования маркеров ренарратива в возможных комбинациях, то тут проявляются некоторые тенденции. Выразим анализируемые примеры (86-107) схематично:

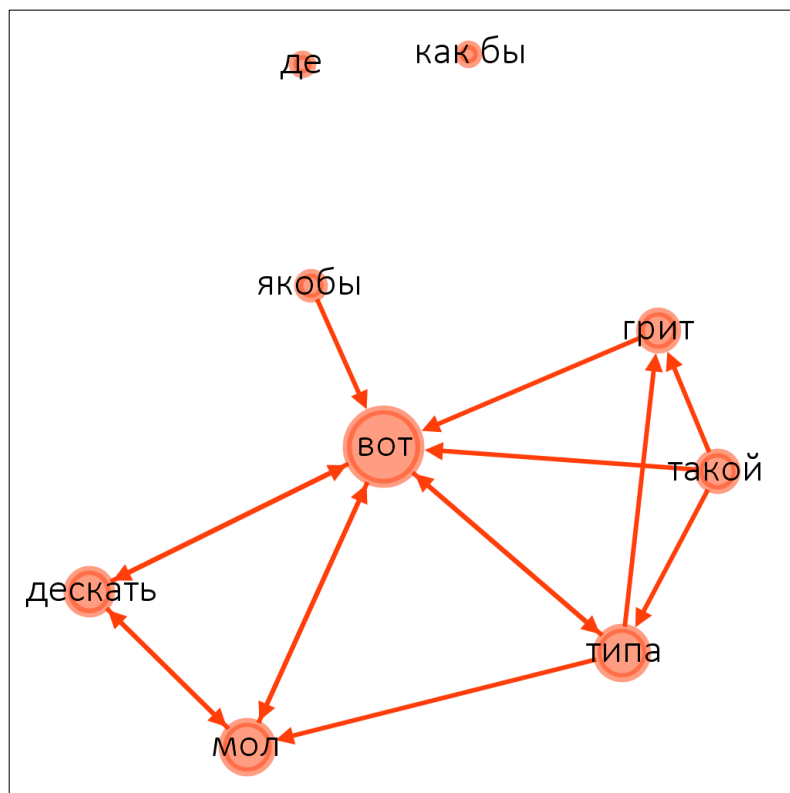

Рис. 2. Схема комбинаций маркеров.

На рисунке 2 мы изобразили найденные комбинации, а также порядок следования ренарративных частиц. Так, благодаря указателям в виде стрелочек, можно проследить, что какие-то маркеры ренарратива свободно соединяются с другими подобными частицами (*мол* и *вот*, *вот* и *мол*), а другие встречаются только в определенном порядке (только *типа мол*, но не *мол типа*). Данная схема (Рис.2) наглядно показывает, что *вот* чаще всего присоединяется к маркерам ренарратива, образуя рассматриваемые комбинации с участием исследуемых единиц. Важно заметить, что частица *вот* может быть употреблена в разных функциях: а) как маркер чужой речи, усиливая рядом стоящий маркер (примеры 93, 98, 101), б) как дополнительный ритмообразующий компонент (пример 88, 96, 97, 99) и в) как распространенное в устной речи указательное местоимение (примеры 87, 94). Помимо этого, на рисунке 2 видно, что *мол*, *дескать*, *грит* и *типа* могут примыкать к подобным себе маркерам ренарратива, чего нельзя сказать о *якобы* и *такой*, которые не могут быть в комбинации с другими единицами, находящимися на втором месте. Также следует отметить, что частица *как бы* не

позволяет никаких присоединений ни перед собой, ни после себя. Отдельного комментария заслуживает частица *де*, которая практически не используется в современной устной речи и не позволяет присоединения подобных маркеров ренарратива. Стоит заметить, что *дескать* и существовавшая в древне- и средне-русском языке более полная форма *де-сказать* произошли путем соединения частицы *де* и инфинитива *сказать*, ставшего позже *скать* (подробнее см. Копотев 2014: 723). В современном языке, можно говорить об утрате возможности присоединения *де* к другим частицам (например, *мол-де*).

Помимо этого, любопытный пример присоединения маркеров ренарратива мы видим в примере (89), где *мол вот дескать* следуют друг за другом и выражают не только начало пересказываемой речи, но и сомнение, неуверенность говорящего в чужих гипотетических словах.

Из общего списка исследуемых комбинаций следует выделить наиболее частотные варианты, встретившиеся в устном корпусе: *вот мол*, *вот типа* и *такой типа*.

К вопросу о сочетаемых вариантах использования ренарративных маркеров, по нашему мнению, следует подходить с учетом проблематики конструкций в общем, прежде всего с теорией Грамматики конструкций. Как отмечает Е. В. Рахилина (2010: 22), «все человечество говорит конструкциями», которые включают в себя единицы любого уровня (синтаксического, семантического, прагматического), существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом и интерпретируются во взаимодействии друг с другом.

В большинстве случаев рассматриваемые сочетания не обладают четкими признаками конструкций. Так, мы можем заметить, что компоненты внутри присоединяемых единиц могут меняться местами (ср. *мол вот* в примере (87) и *вот мол* в примере (93)), и смысл выводится из суммы функций подобных единиц, например, когда к значению пересказывательности добавляется значение примерности (ср. *вот типа того мол* в примере 99).

Отдельного внимания заслуживает вариант сочетаемости *такой типа*, который, по нашему мнению, движется в сторону устоявшегося сочетания и представляет собой смысловое и грамматическое объединение слов *такой* и *типа*. Данное сочетание, как и конструкция *такой говорит (типа)*, рассмотренная в начале раздела 4.4.2, часто используются в современном русском языке не только для выражения пересказа. Важно отметить, что эти конструкции функционируют как единое целое, то есть компоненты не могут ни заменяться синонимичными единицами, ни меняться местами, и смысл подобного соединения выводится не из значения её компонентов:

- (108) Я и предложила ему/ **такая типа**/ "Я приезжаю там в семь часов на Водный стадион". [Разговор студентов по телефону // Из коллекции НКРЯ, 2015]
- (109) Ну / кое-как добежали / смотрим / сзади трамвая написано / что номер девять. Мы **такие типа** зря бежали... [Рассказ о посещении подруги // Из коллекции НКРЯ, 2006]
- (110) Он **такой / типа** / спорим / что мне не продадут / несмотря на то / что я по-любому... [Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007]
- (111) Он **такой типа** / "На тебя заявление написано". [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2000-2005]
- (112) Тимати прикольно **такой / говорит** / «Да / ты сам из этой же конторы / дорогой». [Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007]
- (113) Он **такой говорит** / «Ну / чё ты / **типа** / я тут тебя сижу жду...» [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006]
- (114) Ещё Оля **такая говорит / типа** / «Ты знаешь / Яна / после того как...» [Разговор подруг // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Нам представляется очень любопытным мнение Е.В. Рахилиной (2010: 24) о важности изучения конструкций, с помощью которых мы можем проследить изменение любого языка: «именно изменчивая природа конструкций дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом».

Таким образом, нам кажется возможным говорить об изменении в устной современной речи, опираясь на результаты проанализированных единиц, в частности о «вымирании» каких-либо конструкций с *де* в устной речи и о частом использовании многофункциональных комбинаций со словами *такой*, *типа* и *вот*. Как отмечается у Е. Э. Разлоговой (2003: 162) в работе про сверхчастотные единицы, «можно сказать с определенной долей уверенности, что на смену поколению «как бы» приходит поколение «типа». В нашем же случае, уместным было бы говорить о смене поколения «де» на поколение «такой типа».

4.6 Выводы

Выводы по данной главе нам представляется возможным выразить в виде классификации анализируемых частиц по нескольким параметрам.

Во-первых, если рассматривать синтаксические особенности употребления маркеров ренарратива, то следует отметить их многофункциональность и возможность встраиваться в любые синтаксические конструкции. Можно выделить четыре группы:

1. Маркер ренарратива употреблен в рамках прямой речи (далее ПР):
Он **грит** / «А я / **грит** / у меня / **грит** / образования / **грит** / нет никакого / говорит / я был бри... колхозным бригадиром». Вот я ему показал / рассказал. Винтовку я получил. Я ещё удивился / ещё лаком так она блестела / покрыла... покрыта была хорошо. [Земное и небесное (с. Воейково Ленинградской обл.). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009]
2. Маркер ренарратива употреблен в рамках косвенной речи (далее КР):
Так пришлось на лапу дать / чтоб на обследование положили. Это же не шуточки! [Юля, жен] Что ты! Слава богу / еще за деньги положили / могли бы сказать / **мол** / все переполнено. Мест нет. [Рита, жен] Ой / Юлька. Что творится / что творится. [Разговор подруг на рынке // Из коллекции НКРЯ, 2006]
3. Маркер ренарратива употреблен в рамках несобственно-прямой речи (далее НПР):
Почему я спросил / потому что... очень сложно / мне кажется / пообещать / **вот**... ээ... если речь идёт о... м-м-м... создании какого-то сообщества бренда / очень сложно пообещать / что **вот** / давайте мы вам сделаем сообщества / все там будут активны / все комментировать и так далее. [Алексей Цверов, Ольга Старченко. Подкаст Social Media Club // podfm.ru, 2011]
4. Маркер ренарратива употреблен вместо чужой речи (далее ЧР):
Ну и вот / он **такой** / ой-ой / у нас тут фирма / мы тут типа платим / там / за... чтобы было качество хорошее. [Лида. Как я искала себе третью работу!!! // Проект «Родутро» на «Маяке», 2010]

Маркер ренарратива	В рамках ПР	В рамках КР	В рамках НПР	Вместо ЧР
<i>мол</i>	•	•	•	
<i>дескать</i>		•	•	
<i>де</i>	•	•		
<i>грит</i>	•	•	•	
<i>якобы</i>		•	•	
<i>как бы</i>	•	•	•	
<i>вот</i>	•	•	•	
<i>такой</i>	•			•
<i>типа</i>	•	•	•	•

Табл.1. Синтаксические особенности употребления маркеров ренарратива

Далее, ренарративные частицы можно разделить на три группы по функциональному взаимодействию с другими подобными частицами:

1. Изолированные маркеры ренарратива:
А вот критика направлена на то/ что/ **дескать**/ у нас знания недостоверны/ потому что одни теории сменяют другие. [Вселенная и Человек. Программа "Гордон" (НТВ) (2003)]
2. Сочетания единиц:
Она грит / «Тань / грит / ну вещи / **типа мол** / сюда». [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]
3. Конструкции, включающие маркер ренарратива:
А чего-нить по аське сказала? Так как мне она ничего не говорила / и когда пришёл / было банальное привет. По аське / дословно не помню... **Что-то типа** / «Привет / как делишки?» [Разговор о компьютерной игре // Из коллекции НКРЯ, 2006]

Изолированные МР	Сочетаемые единицы	Конструкции, включающие маркер ренарратива
<i>мол, дескать, де, грит, якобы, как бы, вот, типа, такой</i>	<i>мол дескать, мол вот, мол вот дескать, дескать вот, якобы вот, вот мол, вот дескать, вот типа, вот типа того мол, типа мол, такой вот</i>	<i>такой типа, такой говорит, типа того что, что-то типа</i>

Табл. 2. Функциональное взаимодействие МР

В ходе данного исследования выяснилось, что маркеры ренарратива могут нести дополнительную модальную функцию, помимо функции маркера пересказываемости. Так, проанализировав найденные примеры, представляется возможным говорить, что с помощью маркера ренарратива выражается недоверие к пересказываемой речи, неуверенность говорящего, неодобрительная оценка, гипотетическая модальность, а также оценка невербального поведения и самого стиля выражения другого человека. Стоит всё-таки подчеркнуть, что в большинстве случаев модальный компонент не всегда легко дифференцируется и выражен скорее контекстом, чем семантикой самих слов.

Мы попытались выявить, насколько часто исследуемые слова используются в современной речи вообще и какие из рассматриваемых маркеров ренарратива несут в себе модальное значение. Для анализа статистических данных использовались найденные примеры с употреблением слов *мол, дескать, де, якобы,*

*грит*¹¹, *как бы* и *типа* при пересказе чужой речи. Новые ренарративные слова *вот* и *такой* не могут быть рассмотрены при данном анализе, так как требуют более детального подхода к изучению ввиду их сверхчастотности и омонимии с другими функциями данных слов. При поиске примеров со словами *якобы* и *как бы* использовался параметр поиска, который позволяет находить маркеры ренарратива в непосредственной близости от глаголов речи. По результатам анализа ренарративных маркеров определяются те единицы, которые чаще всего используются вообще, а также в модальном значении. В данном случае абсолютные цифры необязательно переводить в относительные, поскольку общий объем корпуса остается неизменным. Изобразим это схематично:

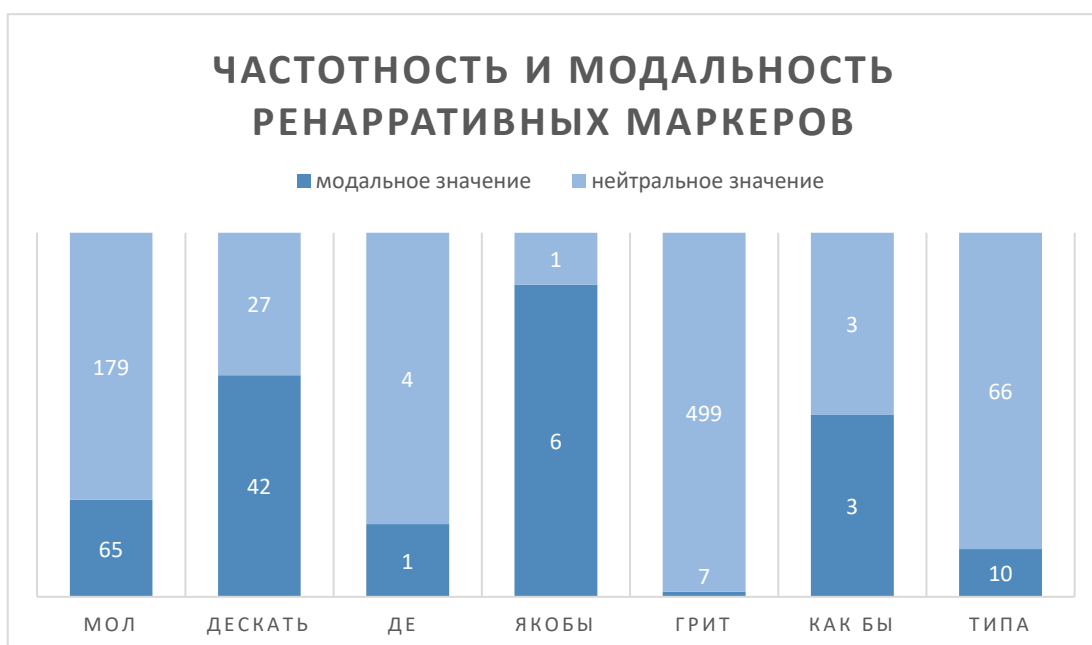

Рис.3. Частотность модального и немодального употребления ренарративных маркеров

Как можно увидеть на рисунке 3, несмотря на то, что *де* в устном корпусе НКРЯ встречается крайне редко, в одном вхождении из пяти *де* несет модальный компонент недоверия пересказываемой речи, тогда как *якобы* в большинстве случаев отражает отношение говорящего к чужой речи, включая недовер-

¹¹ Отметим, что при анализе корпусных данных к слову *грит* мы относим описанные выше словоформы *грят*, *гт*, *гыт*, но исключаем омонимичные формы *горит*, *горю*, *горят*.

ность, сомнение или выделяя, что только часть высказываемого является правдой. Маркер ренарратива *мол* используется в устной речи довольно часто и в 26% случаев содержит модальный компонент (65 вхождений из 244).

Самым частотным маркером ренарратива является слово *грит*, которое не обладает явным модальным значением, по сравнению с подобными ему маркерами ренарратива. Можно предположить, что это связано с происхождением пока еще неполноправной ренарративной частицы *грит* от нейтрального по модальному значению глагола *говорить*, который никак отображает отношение говорящего к передаваемой речи. По нашему мнению, модальность в подобных случаях может выражаться путем использования *грит* со словами *типа* для приблизительного пересказа, *мол* при сомнении в достоверности, *как бы* для неточного пересказа, приближенному к первоначальному тексту и *якобы* для выражения недоверия или недостоверности чужой речи:

- (115) А он **грит** / «А **типа** там / закройте глаза / и у вас останется только время и пространство / а вещей не будет». [Семинар по философии // Из коллекции НКРЯ, 2006]
- (116) Она **грит** / «Тань / **грит** / ну вещи / **типа мол** / сюда». [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007]
- (117) А я стою со стаканом с этим. Он **горит**: «Юль / а те **как бы** / тебе водки-то не много будет?» [Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ, 2009]
- (118) И она говорит / **якобы** буквально она говорит / сплю там [Беседа с массажисткой // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2006]

Кроме того, стоит сказать несколько слов о *дескать*. Несмотря на то, что *дескать* употребляется в современной русской речи гораздо реже, чем частица *мол*, мы можем утверждать, основываясь на материал устного корпуса, что модальный компонент недостоверности частицы *дескать* присутствует в большинстве случаев. Это означает, что в современном русском языке, если частица *дескать* и употребляется в устной речи, то, скорее всего, говорящий намеренно будет использовать её для выражения модального отношения к чужой речи.

На рисунке 3, мы также отметили, какие маркеры ренарратива в большей степени принимают на себя функции модальных слов. Так, по результатам данных устного корпуса *якобы* употребляется чаще всего в модальном значении недостоверности или сомнения, а *грит* используется почти всегда в нейтральном значении и не несет другого модального компонента, кроме чужой речи.

Благодаря опции распределения словоформ по годам в НКРЯ, можно проследить, какие изменения в частотности употребления происходят во временном

отрезке с определенными языковыми единицами. В данном анализе мы принимали во внимание только те маркеры ренарратива (*дескать*, *мол*, *де*), которые используются только для ввода чужой речи. Маркеры *якобы*, *грит*, *как бы*, *вот*, *типа* и *такой* не представляется возможным рассмотреть, пользуясь данной опцией, так как подобные единицы требуют более тщательного рассмотрения, учитывая контекст и возможную омонимию.

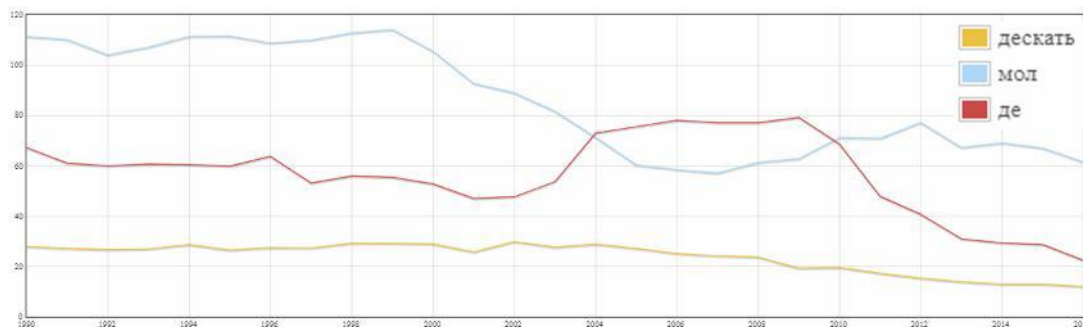

Рис. 4. Частотность *дескать*, *мол* и *де*.

Как видно на рисунке 5, у всех трех маркеров ренарратива прослеживается тенденция спада в использовании. Так, уменьшение популярности *мол* среди прочих подобных единиц наиболее четко прослеживается на изображенном временном графике. Следует заметить скачок употребляемости *де* в начале 2000-х годов, который выражен скорее не частицей ренарратива, а возможными сочетаниями *де* в фамилиях иностранных людей, названий иностранных блюд и топонимов (ср. *Роберт Де Ниро*, *котлета де-воляй*, *Иль де Боте*), которые, как нам кажется, в силу исторических причин стали гораздо чаще обсуждаться в среде русскоязычных людей, чем до этого времени.

Хочется также отметить подтверждающее нашу гипотезу уменьшение частотности *дескать* в современном русском языке. Уже в 1990-х годах *дескать* занимает последнюю позицию среди подобных ей единиц, а в последние года она практически не употребляется (как указано в статистических данных НКРЯ, в 2013 – 35 вхождений, 2014 – 22 вхождения, 2015 – всего 10 вхождений на миллион словоформ).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В любое время важна роль модальных отношений в русском разговорном языке. Целью настоящей работы был анализ найденных в устном подкорпусе НКРЯ маркеров ренарратива, которые несут в себе компонент модальности. В главе 2 мы рассмотрели категорию языковой модальности, основываясь на трудах В. В.

Виноградова, Л. А. Бирюлина и Е. Е. Корди, Г. А. Золотовой, Н. Е. Петрова и В. А. Плунгяна, выявили главные тенденции при рассмотрении модальности в языке, функциональную разницу между модальностью и предикативностью, а также проблему выделения модальных слов частиц и их классификацию. Следует сказать, что в целом проблема дефиниции модальности очень сложна и требует изучения большого количества исследовательской литературы. Кроме того, сталкиваясь с различными точками зрения исследователей, можно прийти к выводу о «правильности широкого понимания и о необходимости конкретизации содержания языковой модальности в соответствии с ее весьма широким функциональным объемом и разнообразием значений различных средств выражения этой сложной, многоплановой категории» (Петров 1982: 145). Глава 3 посвящена феномену чужой речи в русском языке. В этой главе мы определили возможные способы передачи чужих слов, а также рассмотрели вопрос о терминологии маркеров ренарратива. В главе 4 мы провели контекстно-семантический анализ найденных в устном корпусе НКРЯ маркеров ренарратива, уделяя особое внимание их модальному значению.

Как выяснилось в ходе проделанной работы, исследуемые единицы (*мол, де, дескать, грит, якобы, как бы, вот, типа, такой*) могут встраиваться в традиционные конструкции с прямой, косвенной, а также несобственно-прямой речью. Одни маркеры ренарратива (*якобы, дескать, мол*) чаще всего несут в себе модальные значения, другие (*грит, типа, как бы*) – требуют более детального рассмотрения контекста, интонации и мимики для определения дополнительного модального компонента у самих маркеров ренарратива, помимо выражения и передачи чужой речи. Однако важно заметить, что модальность данных частиц в большей степени зависит от контекста. Так, при определенных условиях, маркеры ренарратива могут выражать недоверенность к пересказываемой речи, неуверенность говорящего, неодобрительную оценку как к цитируемому лицу, так и к способу выражения другого человека, гипотетическую модальность, а также обозначать впечатление, оценку невербального поведения другого человека. Аналитическая часть работы также наглядно показала, что употребление таких нетрадиционных маркеров ренарратива, как *вот, типа, такой* свойственно в современной устной речи, в отличие от устаревающих *дескать* и *де*. Кроме того, была выявлена тенденция к удлинению/сочетанию подобных маркеров ренарратива в современной устной речи, что подтверждает широкое употребление данных единиц в передаче чужих слов.

В завершение данной работы хотелось бы еще раз подчеркнуть, что изучение современных маркеров ренарратива весьма актуальна, так как ассортимент средств передачи чужой речи оказался гораздо больше и разностороннее, чем

описано в словарях, грамматиках и научной литературе. Хотя и разговорная речь в последнее время находится в центре внимания многих лингвистов, по отношению к письменной речи, кодифицированному литературному языку, она до сих пор остается слабо изученной. Можно предположить, что в области использования языка у части слов ослабляется лексическое значение и синтаксические связи и на первый план выходит их прагматическая функция, например, указание на отношение говорящего к чужой речи. Именно поэтому мы попытались определить возможные модальные отношения при пересказе чужой речи, тем самым расширить наши знания о значении и функциональных особенностях маркеров ренарратива.

Список использованной литературы

Исследовательская литература

- AIKHENVALD 2004: Aikhenvald, A. *Evidentiality*. Oxford: Oxford U. P.
- АПРЕСЯН И ШМЕЛЕВ 2017: Апресян В.Ю. и Шмелев А.Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017» Москва, 31 мая — 3 июня 2017. Электронный ресурс. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3897/apresjanvjushmelevad.pdf> (дата обращения: 27.04.2018)
- АРУТЮНОВА 1999: Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. (изд. 2-е, исправленное). Москва: Языки русской культуры.
- АРУТЮНОВА 2000: Арутюнова Н. Д. *Показатели чужой речи де, дескать, мол*. Язык о языке: сборник статей. Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры. 437–449
- БАРАНОВ 1994: Баранов А. Н. *Заметки о дескать и мол*. Вопросы языкознания. № 4. 114–124.
- БАХТИН 2002: Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. ред. С. Г. Бочаров. Москва: Русские словари.
- БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН 2014: Богданова-Бегларян Н. В. *Прагматемы в устной повседневной речи: Определение понятия и общая типология*. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). 7–20
- БОРИСОВА 2009: Борисова И. Н. *Русский разговорный диалог: Структура и динамика*. Москва: Либроком. 212–236.
- БОРИСОВА 2012: Борисова Е. Г. *Роль дискурсивных слов в управлении пониманием текста*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2012 г.). Москва: Изд-во РГГУ. Т. 1, вып. 11 (18). 93–102. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-diskursivnyh-slov-s-diffuznym-znacheniem> (дата обращения: 03.05.2018)
- ВАЛГИНА 2003: Валгина Н. С. *Современный русский язык: Синтаксис*. Учебник. 4-е изд. Москва: Высшая школа.
- ВИНОГРАДОВ 1972: Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. 2-е изд. Москва: Высшая школа.
- ВИНОГРАДОВ 1975: Виноградов В. В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва: Наука.
- ВОЛОШИНОВ 1993: Волошинов В. Н. *Экспозиция проблемы “чужой речи”. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке*. Ленинград: Прибой. 125–134
- ГЛАДРОВ 2009: Гладров В. *Модальные слова. К вопросу о частях речи*. Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. Москва: Языки славянских культур. 239–250.

- ГРИШИНА 2005: Гришина Е. А. *Устная речь в Национальном корпусе Русского языка*. Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. №3. 94–110. Электронный ресурс. URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/07grishina.pdf> (дата обращения: 27.04.2018).
- ГРЯ 1960 = *Грамматика русского языка*. Том 2. Синтаксис. Часть первая. Москва: Издательство Академии Наук СССР.
- ДОЛИНИН 2010: Долинин К. А. *Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие*. Изд. 4-е. Москва: КомКнига. Впервые: Долинин К.А. Интерпретация текста. — М.: Просвещение.
- ЗОЛОТОВА 1973: Золотова Г. А. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- КИСЕЛЕВА И ПАЙАР 1998: Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. Москва: Метатекст.
- КОПОТЕВ 2014: Копотев М. В. *Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика?* Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука. 712–740.
- КРЮЧКОВ 1977: Крючков С. Е. Максимов Л. Ю. *Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения*. Москва: Просвещение.
- ЛЕВОНТИНА 2004: Левонтина И.Б. *О словах-паразитах. Действительно ли эти слова лишние в языке?* Русский язык №15. Москва: Первое сентября. Электронный ресурс. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200401501> (дата обращения: 03.05.2018).
- ЛЕВОНТИНА 2010: Левонтина И. Б. *Пересказывательность в русском языке*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Выпуск 9 (16). — М.: РГГУ. 284 – 289.
- ЛЕТУЧИЙ 2008: Летучий А. А. *Конструкции сравнения ситуаций с показателями как бы и как будто*. Научно-техническая информация. Сер. 2. № 2. 19–27.
- МАКСИМОВА 2005: Максимова Н. В. *Коммуникативные доминанты речевого поведения (на примере оппозиции своё / чужое)*. Вестник Оренбургского государственного университета. 95–105.
- МАКСИМОВА 2006: Максимова Н. В. *О разнородности форм передачи чужой речи и их языковом, речевом, текстовом статусе*. Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №16. 48–60
- МЕЛЬЧУК 1995: Mel'čuk I. *Phrasemes in language and phraseology in linguistics. Idioms: Structural and psychological perspectives*. UK: Lawrence Erlbaum. 167–232.
- ПАДУЧЕВА 2011: Падучева Е. В. *Показатели чужой речи: мол и дескать*. Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. № 3. 13–19.
- ПЕТРОВ 1982: Петров Н. Е. *О содержании и объеме языковой модальности*. Отв. Ред. Е. И. Коркина. Новосибирск: Наука. 161.
- ПЛУНГЯН 2008: Плунгян В. А. *О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие*. В. Wiemer & V. A. Plungjan (eds).

- Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner. 285–311.
- ПЛУНГЯН 2011: Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 316–362.
- ПОДЛЕССКАЯ 2013: Подлесская В. И. *Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая—2 июня 2013 г.). Вып. 12(19). Москва: Изд-во РГГУ. 619–632.
- ПОДЛЕССКАЯ 2017: Подлесская В. И. *«Я скажу тебе с последней прямо́той»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой*. Электронный ресурс. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3939/podlesskayavi.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- ПОДЛЕССКАЯ И КИБРИК 2009: Подлесская, В. И. Кибрик А. А. *Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования*. Электронный ресурс. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- ПОПОВА 2016: Попова И. С. *К вопросу использования чужих слов в устнопорождаемой речи*. Язык и культура. 2016. №2 (34). Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ispolzovaniya-chuzhih-slov-v-ustnoporozhdaemoj-rechi> (дата обращения: 14.04.2018).
- РАЗЛОГОВА 2003: Разлогова Е. Э. *К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи*. Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 6. 152–169.
- РАХИЛИНА 2010: Рахилина Е. В. *Лингвистика конструкций*. Отв. ред. Е.В. Рахилина. Москва: Азбуковник.
- ТФГ 1990 = *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград: Наука.
- ЧИБУК 2004: Чибук А.В. *Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект)*. Диссертация кандидата филологических наук: 10.02.2004. Екатеринбург. Электронный ресурс. <https://www.twirpx.com/file/1275862/> (дата обращения: 12.04.2018).
- ЧУМАКОВ 2010: Чумаков Г. М. *Синтаксис конструкций с чужой речью*. Современный русский язык. Синтаксис. Часть 3. Сост. Е. Е. Долбик, В. Л. Леонович, Л. Р. Супрун-Белевич. Минск: Белорусский государственный университет.
- ШАХМАТОВ 2001: Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. Ред. Е. С. Истрина. 3-е изд. Москва: Эдиториал УРСС.
- ШМЕЛЁВ 2002: Шмелёв А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва: Языки славянской культуры.

Словари и корпуса

- АХМАНОВА 2004 (1966): Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е изд, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС.

- ЖЕРЕБИЛО 2010: Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. 5-е изд. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим».
- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
- РОЗЕНТАЛЬ И ТЕЛЕНКОВА 1985: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. 3-е издание. Москва: Просвещение.
- СЛОВАРЬ РУССКИХ ЧАСТИЦ 1999: Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Под ред. В. Гладрова. Франкфурт на Майне: Peter Lang. 147.